

ВРЕМЯ

№ 3 (49)
29 марта 2019 г.

Издается с 2015 года

Информационно-просветительская газета

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Урало-Сибирской Федерации АЦК ЮНЕСКО и Союза приемных родителей (при поддержке гранта Президента Российской Федерации).

СОЮЗ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ – КТО МЫ ТАКИЕ

Приветствую всех наших читателей! Наша газета выходит при поддержке Фонда Президентских грантов специально ко Второму съезду приемных родителей Свердловской области. Среди вас наверняка – не только приемные родители, но и те, кто ими собирается стать, слушатели школ приемных родителей, волонтеры, просто неравнодушные люди.

Наша региональная общественная организация зародилась в 2014 году, когда на форуме замещающих семей в Детской филармонии (г. Екатеринбург) мы заявили, что нам нужно объединиться, чтобы самим помогать друг другу словом и делом, и не ждать, когда помощь придет со стороны. И еще мы заявили, что не нужно нас называть «замещающими» – мы никого не замещаем, тем более – непутевых родителей и родственников, отправивших своих детей в детские дома и приюты, мы принимаем детей в свои семьи, дети – принимают нас, мы – приемные родители.

Юридически мы оформились в 2016 году, но деятельность организации велась с самого начала – мы формировали предложения по совершенствованию системы опеки и попечительства, пошли в разные кабинеты депутатов, чиновников... В составе учредителей, кроме меня, – Светлана Андреева, мать восьмерых приемных детей, имеющая огромный опыт в воспитании, и Вячеслав Михайлов, усыновитель ребенка с инвалидностью. За эти годы к нам присоединились родители из Алапаевска, Нижнего Тагила, Ачитского, Красноурфимского районов, Ревды, Березовского, Североуральска и других территорий. А началось все задолго до этого, когда Светлана Андреева объединила вокруг себя друзей и единомышленников, устраивала совместные с детьми выезды на природу, на базу отдыха, где родители делились впечатлениями, обменивались опытом, получали поддержку друг друга. По ее примеру многие ее друзья взяли на воспитание детей, оставшихся без родителей. Да и невозможно было не заразиться таким примером, глядя на эту дружную семью. Светлана с мужем Андреем брали новых и новых детей, не боясь их болезней, отставания в развитии, психологических особенностей. Их вера в свои силы и любовь к детям и сейчас дают пример многим, кто встает на этот путь. Теперь таких многодетных семей в нашем Союзе много.

Главная наша задача – отстаивание прав и законных интересов приемных родителей, создание благоприятных условий для развития института приемной семьи. А там,

где все хорошо у родителей, там есть все для развития детей, их социализации, адаптации в обществе. Те, кто вступил на путь приемного родительства, конечно, понимают, что еще несовершенна система опеки и попечительства, устройства ребенка в семью. Мы неизменно сталкиваемся с большим количеством проблем: начиная с того, что необоснованно отказывают в органах опеки в образовании приемной семьи – и заканчивая устройством в школу, получением квалифицированной медицинской помощи и т.д.

Но начнем с того, что ребенок, пришедший в семью из госучреждения, в большинстве случаев имеет непролеченные (не выявленные или запущенные, часто перешедшие в хроническую форму) заболевания, обязательно отстает по школьным предметам, если это малыш – обычно имеет задержку в развитии, нуждается в помощи логопедов, психологов, реабилитологов. Именно таких детей мы берем в свою семью, и на то, чтобы довести их до состояния нормы, требуется до нескольких лет жизни и ребенка, и его приемных родителей. К сожалению, вундеркиндов в детских домах никто не готовит. Родитель, отправляясь в плавание под названием «Приемная семья», зачастую остается один на один перед морем подводных камней, о которых раньше не подозревал. Так, детей из детского дома крайне неохотно берут в хорошие школы, зачастую стараются избавиться от них, отправляя в коррекционные учреждения без объективных на то оснований. Ведь учителям нужно прилагать дополнительные усилия к обучению таких детей, а школам дополнительная нагрузка не нужна. И учителя откровенно требуют от родителей найма множества репетиторов, т.е. обучать ребенка за деньги. Таким образом, происходит конфликт между школой и приемной семьей.

Между тем, приемных детей в свои семьи берут обычно люди с весьма средним достатком. Владельцев «заводов, газет, пароходов» среди приемных родителей на своей памяти я не видел. Хотя не исключаю, что они есть. Отдельная история – реабилитация детей-инвалидов. К сожалению, в регионе нет высокотехнологичного реабилитационного центра с полным спектром медицинского обслуживания для таких детей, чтобы не отправлять их в Москву или за границу для операций. Может быть, настало время обратиться к губернатору и промышленникам региона с постановкой вопроса о строительстве такого центра? Ведь был же в свое время построен детский онкологический центр по инициативе губернатора Э.Э.Россея, и экономическая ситуация в стране была не многим лучше теперешней. Из-за множества проблем реабилитации детей-инвалидов, многие продолжают оставаться в детских домах, их просто не рискуют брать в семьи, ведь все их проблемы родителям придется решать самостоятельно. Почему-то наши предложения по улучшению ситуации, совершенствованию законодательства чиновниками воспринимаются как покушение на их авторитет и уровень компетенций. Так мы восприняли отписку от региональной власти на 11 страницах в ответ на обращение нашего Первого съезда приемных роди-

телей. Примерный смысл ответа состоял в том, как все хорошо обстоит на территории Свердловской области, и как ничего не нужно менять. Но мы просто хотим, чтобы в стране не было больше детских домов, а для этого нужно создать условия для развития и окончательного закрепления института приемной семьи. Для этого необходимы изменения. Мы хотим, чтобы в области строили не торговые центры, а БАСЕЙНЫ семейного типа, чтобы дети с ДЦП (и не только) имели возможность реабилитации в шаговой доступности.

И наш Президент В.В.Путин по итогам недавнего заседания Государственного совета, посвященного теме развития добровольчества и социально ориентированных некоммерческих организаций, 16 января 2019 года подписал перечень поручений правительству, который включает в себя больше десятка основных положений по развитию добровольчества. В нынешнем году будет разработан комплекс специальных образовательных программ по обучению госслужащих, добровольцев, организаторов волонтерской деятельности, сотрудников и руководителей социально ориентированных некоммерческих организаций и органов государственной власти. Особенно ценно, что Президент поддержал просьбу включить в перечень поручений Правительству РФ такие предложения общественных организаций и волонтеров, как постинтернатное сопровождение детей-сирот, общественный экологический контроль, помощь родителям, имеющим детей с ОВЗ и многие другие. Это наша с вами реальная возможность серьезно расширить степень участия некоммерческих организаций (как наш Союз) и добровольцев в жизни общества, а также решить

многие социальные проблемы, используя имеющийся опыт НКО. Лишь бы не потонули эти поручения в чиновничьих реках и морях изображения великой деятельности на ровном месте, как это обычно бывает.

Можно целую газету посвятить нашим проблемам, но никакие проблемы, конечно же, не смогут затмить радости родителей от преодоления всего этого, от осознания того, что их приемные чада становятся родными и вливаются в общество, как и все другие дети.

Большую роль в нашей работе играет просветительская деятельность, пропаганда форм устройства детей в семьи, изменение общественного сознания в пользу мнения о том, что приемная семья в современном обществе – это норма, ненормальным же является существование огромного числа детских домов в стране и сирот при живых родителях. Необходимо возрождение российской традиции милосердия, укрепление института семьи с приемными детьми, формирование и показ примера здорового образа жизни, сохранение лучших семейных традиций. В этом смысле особое значение имеет наше взаимодействие со всеми видами СМИ. И мы надеемся, что этот первый опыт нашей совместной газеты будет не единственным, а ее выпуск – регулярным. Эта газета – в помощь родителям, бабушкам и дедушкам, детям и тем, кто только собирается стать приемными родителями. В добрый путь!

Юрий Дёмин,
председатель правления
Свердловской региональной
общественной организации
«Союз приемных родителей», режиссер,
член Союза кинематографистов России

Семья Ощепковых.

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ: «БЛАГОСЛАВЛЯЮ ВСЕХ ПРИЕМНЫХ МАМ И ПАП!»

Людмила Стефановна Петрушевская – прозаик, драматург, поэт, сценарист, художница и режиссер восьми собственных анимационных фильмов («Студия ручного труда»), композитор и певица, создатель бродячего театра «Кабаре Людмилы Петрушевской». Родилась 26 мая 1938 года в Москве в семье студентов ИФЛИ (Институт философии, литературы, истории). Людмила, чья семья подверглась репрессиям (трое расстрелянных), пережила тяжелейший голод во время войны, после войны жила в детдоме для детей-инвалидов и туберкулезников, таких же, переживших голод, под Уфой. Окончила школу в Москве с серебряной медалью, получила диплом на факультете журналистики МГУ. Людмила Петрушевская – автор множества прозаических произведений и пьес, книг для детей. Ею также написаны сценарии для анимационных фильмов. Проза и пьесы Петрушевской переведены на многие языки мира. Лауреат 14 премий по литературе и искусству.

Юрий Дёмин – председатель Союза приемных родителей, кинорежиссер: «Те, кто даже ненадолго оказывались в детском доме, всю жизнь несут в себе горькие воспоминания о таких днях, но для Людмилы Петрушевской это было спасение от голода и туберкулеза после войны, когда она оказалась в детдоме для ослабленных и больных детей. Мы познакомились с Людмилой Стефановной в Москве в Центральном доме литераторов, и подружился, когда я еще даже не представлял, что близко займусь этой темой и стану приемным родителем. И уже гораздо позже Людмила Петрушевская, приехав в Екатеринбург, подписала свою книгу моему Ване, который только попал в семью и не очень представлял, что же это за женщина в элегантной шляпе и почему так много вокруг нее поклонников-читателей».

Мы публикуем интервью с Людмилой Стефановной, которое она дала для документального сериала «Приемная семья».

– Людмила Стефановна, что значит для Вас тема сиротства?

– Я очень занята вопросом воспитания сирот и брошенных детей, принятия их в семью: там, где они узнают, что такое купить хлеб в магазине, пойти гулять на детскую площадку с другими детьми, познакомиться с друзьями, знать счет деньгам, понимать, где тебя обманывают. Ведь мать всему этому учит – общению с внешним миром. И когда я услышала от вас, что в Свердловской области детские дома пустеют, что многие берут детей в семью, для меня – это просто счастье. Я – сама ребенок из детского дома. Но тогда, после войны, для меня детский дом был спасением, потому что я жила на улице, у меня не было ни хлеба, ни постели, ничего, и я очень хорошо знаю, что такое быть ребенком без родителей. И мечта о матери преследовала меня 4 года. Когда, наконец, она приехала и нашла меня на улице, я первый раз в жизни зарыдала, до рвоты. И поэтому я благославляю всех мам и пап, которые становятся мамами и папами не потому, что это их родная кровь, а потому что это будут их дети, на всю жизнь. Им они передадут свои мысли, свои понятия о том мире, в котором им теперь надо будет жить, о добре и взаимной поддержке, потому что мир детского дома практически не знает этого. К сожалению, в детском доме старшие терроризируют малышей, отнимают у них всё, это нравы шайки, а не семьи. А в семье люди растят своих детишек – и родных, и приемных – в добре, ведь когда-нибудь, в конце концов, эти дети будут кормить своих родителей, заботиться о них, это тоже очень важно. Ведь многие люди, у которых нет детей, сами пропадают на старости, сами становятся беспризорными. Их некому защитить. Мы же все растим детей в добре, чтобы они были добрыми для нас.

В нашей стране, к сожалению, зачастую можно наблюдать подлое и зверское отношение к детям-сиротам. Это у нас, в нефтяной, газовой и золотодобывающей стране, торгующей топливом и алмазами по всему миру, до сих пор есть детские дома! Есть сироты, лишённые опеки! Но что еще страшней, после выпуска детей из детдомов в очень юном возрасте зачастую жизнь бросает их от беспомощности и нищеты в тюрьмы и лагеря. Ребенок, который вышел из детского дома, бесправен и беззащитен перед жестоким и бездушным миром. Они выходят в жизнь в 15–16 лет, их обманывают на каждом шагу. Вы ведь знаете, что статистика чудовищна. Кто-то ворует, многие девочки идут на панель, их спаивают. С одной стороны, государство проявляет к ним жестокость, а с другой стороны, общество демонстрирует преступное равнодушие.

Сироты же, которые смогли сохранить свою самостоятельность, построить свою жизнь, создать семьи, десяти-

летиями ждут положенного им жилья, им с малышами негде жить.

Приемным родителям я желаю удачи, сил, терпения! Родители терзаются, когда у них дитя болеет, когда неприятности в школе, когда не ладится с друзьями, когда ребенок грубит... Это, конечно, в каждой семье бывает, я воспитала троих детей. Но у приемных родителей ответственность двойная – не только сложности с воспитанием приемного ребенка, но и сложности с органами опеки, которые, как шпионы, собирают негативную информацию, чтобы лишить детей семьи и вернуть их в детдом. Мало того, что государство платит копейки приемным родителям, оно еще, получается так, не помогает им, создает атмосферу тотального контроля и недоверия.

Я многого не понимаю в такой политике слежки, в стремлении вернуть сирот в детдом. Ведь государство тратит на каждого ребенка в детском доме 50–70 тысяч рублей в месяц, а приемным родителям за того же сироту платят всего 6 тысяч как бы зарплату и 7–10 тысяч пособия! А усыновителям вообще ничего не положено, кроме одноразовой выплаты. И еще зачастую создают для

них там невыносимую обстановку. Кто заинтересован в том, чтобы выращивать преступников и отправлять выпускников в тюрьмы, а девушек-выпускниц – на шоссе?

Мне кажется, задачей Союза приемных родителей должен быть и этот аспект: требование увеличить пособие для семей, взявших на воспитание сирот. Нужна семья и всевозможная помощь специалистов – врачей, педагогов, детских психологов, даже спортсменов и музыкантов, имеющих свои методики воспитания детей. Вот этим должна заниматься опека, а не полицейской слежкой.

Здоровья вам, дорогие новые родители! Боритесь за своих приемных детей, за их право быть полноценными людьми.

– Вы не понаслышке знаете, что такое дети-сироты с инвалидностью и как они живут. Расскажите о своем взаимодействии с такими детьми, ведь вы уже много лет, насколько я знаю, собираете средства для них.

– Да, в Псковской области, в маленьком городе Порхове, вот уже девятнадцатый год существует под руководством и на средства Алексея Михайлюка, московского бизнесмена, частное благотворительное общество «ПРОБО Росток», где в купленных им домах живет сообщество инвалидов, выпускников детских психоневрологических интернатов. Это большие ребята, которых Росток спас от пребывания в старческом психоневрологическом доме, куда эти инвалиды неизбежно попадают после детских домов. Михайлюк для начала взял под свою опеку целый выпуск интерната в Бельском Устье, разместил их в домах с мебелью и воспитателями. Благодаря этому дети научились читать, писать (а в интернатах их не учат ничему), у них есть телефоны, с ними мастера занимаются ремеслами, ребята вяжут из бисера, из шерсти, лепят, обжигают, расписывают керамику, работают в слесарной и столярной мастерских. Они ходят на занятия в Дом культуры. Но это сто спасенных детей, а сколько их еще по стране? Ведь эти тысячи и тысячи не нужных никому ребят и девочек обречены после детских домов до старости пребывать в домах инвалидов. Я помогаю, чем могу, продаю

свои картинки на выступлениях, но у этих ребят и у этого центра очень много нужд – оплачивать электричество, труд воспитателей (они дежурят посуточно), работу мастеров по вязанию шерсти и бисером, керамике, столярным и слесарным работам.

За восемнадцать с лишним лет воспитанные, наученные вести самостоятельную жизнь ребята или переходят жить в семьи, или время от времени очередной инвалид из Ростка получает квартиру, они ведь имеют на это право, и Михайлюк борется за это их право. Есть уже и пары с детьми.

Алексей Михайлюк давно уже, после санкций (он работал с латвийскими фирмами) не богатый человек, ему даже пришлось продать свою трехкомнатную квартиру и машину, чтобы оплатить долги. Мы с друзьями собираем деньги, где можем. Помогают в основном не миллионеры, а простые благотворители у меня в Фейсбуке, посылают небольшие суммы. Но я всегда пишу – сто человек пришло по сто рублей, и Алексей заплатил за свет или отдал часть зарплаты воспитателям. Но бывает, что на аукционе (знаменитые художники жертвуют свои вещи) Росток получает немалые деньги. Или мне помогают деятели искусства, Чулпан Хаматова сразу дала 10 тысяч, как только я ее попросила.

Но Алексей Михайлюк сейчас борется за то, чтобы детей-инвалидов не селили в психоневрологические интернаты, а после детского сада помещали в социальное жилье под присмотр воспитателей. Со временем ребята научаются вести хозяйство, обслуживать себя. Живут человеческой жизнью, а не как в концлагере. Что таить, в ПНИ их превращают в животных, колот галаперидолом, забирают их пенсии, бьют при малейшей попытке пожаловаться, насилуют. Недавно один сбежавший отсюда парень, перенесший пытки и насилие, подал в суд. Но суд отказался принять жалобу психически неполноценного гражданина РФ.

В ПНИ сейчас живет больше полу-миллиона человек.

Дорогие мои, святые люди – приемные родители! Только на вас вся надежда – у нас, и у детишек, лишенных семьи. Будьте здоровы и благополучны. С нами Бог!

ПРОБЛЕМЫ В ЦИФРАХ

Накануне съезда наш социолог, приемная мама Лариса Везнер, доцент кафедры управления персоналом Уральского государственного горного университета, провела социологический опрос приемных семей Свердловской области о проблемах, с которыми они сталкиваются. Сегодня мы публикуем фрагмент из данного социологического исследования.

Лариса Везнер: Целью исследования было обобщить и огласить проблемные аспекты приемных семей, стимулировать конструктивный диалог и активность разных ветвей органов власти в решении актуальных вопросов. А также всестороннее содействие приемным семьям для блага детей, находящихся под опекой и попечительством. Исследование проведено с декабря 2018 по март 2019 года.

Выстраивая иерархию целей, мы выделили следующее дерево целей.

Организация результативного диалога между органами власти и сообществом приемных родителей. Консолидация запросов, наиболее первостепенных для приемных родителей региона. Содействие принятию законодательных инициатив, направленных на совершенствование института семейного устройства детей-сирот, всестороннюю помощь опекаемым детям и приемным родителям. Укрепление позитивного имиджа института приемного родительства среди широких слоев населения с целью содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также с целью благополучной социальной адаптации опекаемых детей и обеспечения социально-психологической поддержки приемных семей в обществе.

Анализ собранной информации

92% приемных родителей рассчитывают на государственную помощь и свои собственные силы в воспитании приемных детей.

Приведем ряд предложений.

1). Юридическую помощь приемным семьям необходимо не просто оказывать, а квалифицированно, системно, вариативно с учетом ситуации, предоставлять каждой семье. На трактовку нормативного акта часто нет единого мнения. Нет действенной, полной, понятной, доступной юридической помощи.

Со слов респондента: «Нужен юрист, который мог бы подсказывать решения правовых вопросов, а не ссылаться на нормативные акты».

2). В работе Многофункциональных центров в Екатеринбурге и городах области разные правила, что осложняет обращение людей.

3). 22% приемных родителей считают возможным требовать законодательной инициативы по четкому определению статуса приемной семьи. В правовой сфере не определен вопрос «Кто мы есть? Работающие или нет». Так, респондент не может добиться выплат по уходу за кровно родным ребенком-инвалидом, из-за получения пособия на приемных детей. Т.е. имея приемных детей – человек работает, а по трудовому праву работник без договора найма и оформления трудовой книжки, работником не является.

3). Обеспечение детей жильем волнует 40% респондентов. Приемные родители предлагают выдавать сертификаты, возможно именные без ущемления прав несовершеннолетних детей, чтобы была возможность приобрести вторичное жилье.

Так респондент, предлагает ввести льготное ипотечное кредитование для приемных семей, снизить процент выплат.

Хотелось бы, чтобы было взаимодействие органов опеки в решении насущных жилищных проблем, с продажей жилья, например, в Волчанске, органы опеки знают население. Кому надо дом, и могли бы информировать людей.

4). Исследование показало, что взаимоотношения органов опеки и попечительства с приемными родителями в городе Екатеринбурге в основном строятся на конструктивной основе. Высказываний с нареканиями о специалистах данной службы не поступило. В отличие от городов Свердловской области.

Характерной противоречивой атмосферой отличился город Алапаевск, Ачит и Североуральск. Из высказываний приемных родителей: «Люди боятся ходить в органы опеки и попечительства, т.к. общение излишне официально-формализовано, негативно-уничижительный тон общения с приемными родителями. Нет информационной поддержки. Приемные родители узнают изменения, дополнения друг от друга, по принципу «слухами земля полнится» Требуют чеки на всякую мелочь: стиральные порошки, средства гигиены, словом – на всё. В случае невыполнения грозят приостановить социальные выплаты. Кому они сделают хуже – детям, в первую очередь». Родители просят защищать их права, а не только контролировать.

5). В ходе исследования был сделан вывод о том, что в структуре органов опеки желательно открыть службу психологической поддержки родителей и детей – за такое нововведение высказалось 34% респондентов. Приведем высказывание одного из опрошенных роди-

телей: «Приемные родители испытывают постоянный, стойкий стресс оттого, что как бы делают доброе дело, отношение к приемной семье настроенное. Несмотря на то, что многие обладают закаленными нервами, многие нуждаются в помощи квалифицированных специалистов – не просто психолога, а профессионала с опытом работы с приемными семьями и сопутствующими проблемами».

До сих пор органы опеки в Алапаевске просят чеки за продукты и мелкие товары. Запрещают снимать со счета социальную пенсию на детей.

Особо хочется отметить низкий уровень профессиональной культуры местных органов власти, которые не видят, не замечают приемные семьи, нет морального признания успешным приемным родителям, отсюда отсутствует стимулирование, возможно даже личным примером, в политике устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Замалчивают успехи и достижения членов приемных семей, а это ведь дети. Перекокс в приоритетах, при возмещении многодетных семей с родными родителями, что совпадает с государственной демографической политикой и нравственными ценностями большинства граждан. И полное недоверие к приемным многодетным семьям. Как будто вопросы демографической и духовной составляющей такие семьи не решают. Конечно, данная культурная парадигма не может носить сугубо оперативное планирование, но общность института кровнородственной и приемной семьи необходимо поддерживать и поощрять. Приемные родители сами подскажут допустимые морально-этические формы и методы.

В ходе исследования поступило предложение сделать открытую систему взаимодействия граждан с государственными, властными структурами в виде сайта с информационной прозрачной, понятной для всех поддержки института приемной семьи, как в Московской области на специализированном сайте. У нас нет информационной адекватной наглядной поддержки приемным семьям, а хочется в любое время открыть посмотреть законодательную базу, льготы, перспективы, обязательства не только приемных родителей перед законом и государством, но и обратную связь, а что сделано, что находится на рассмотрении, в перспективе и т.д.

6). Остро стоят проблемы в медицинской сфере. Частый вопрос приемных родителей: «Почему не предоставляют бесплатные путевки? Трудно выделить путевку на юг на одного ребенка. Дети не могут бесплатно отдохнуть на море».

Сгорел фельдшерско-акушерский пункт в Артемовском. Там же убирают ставку стоматолога.

В Нижнем Тагиле мало врачей-специалистов, например, в районе Тагилстроя проблема с детским неврологом – приходится далеко ездить. Население отстояло год назад в микрорайоне поликлинику, чтоб не закрывали, теперь люди переживают, чтобы вновь не началась такая оптимизация. Тяжело получить путе-

ку в санаторий, отправляют только с тяжелыми диагнозами, а опекаемые дети все имеют неврологические заболевания и необходимость в санаторном лечении.

Неохотно дают справку в поликлинике о хроническом заболевании для опеки, которая на небольшую сумму поднимает выплату родителю. Например, ребенку вырезали желчный пузырь, в поликлинике отвечают, что он выздоровел, справку отказываются выдать, а на самом деле проблемы с пищеварением остались.

Ребенок-инвалид. Пользуются платной медициной. Бесплатно не могут попасть к специалистам. Уже не пользуются бесплатными медицинскими услугами, т.к. они энергозатратны по времени.

В Екатеринбурге с онкозаболеванием ребенку не дают направление на консультацию в ДГБ № 9. В поликлиниках долго ждут талон к специалистам – по две и более недели.

Много платных услуг.

В Ревде трудно даже с электронной очередью попасть к врачам-специалистам. Приемная семья помогает родителям детей-инвалидов иногда даже просто взять талон на прием к педиатру, к которому тоже сложно стало попасть к стоматологу.

7). Есть проблемы в сфере образования.

Дают путевки в разные детсады детям одной семьи – неудобно приводить детей.

В Нижнем Тагиле год назад была скидка 50% за оплату кружков дополнительного образования – ее отменили. Приемные семьи просят законодательно на местном уровне ввести льготу по оплате услуг дополнительного образования.

Приемные семьи в 35% отметили проблемы с учителями, которые не считают необходимым уделять повышенное внимание детям-инвалидам, больше и чаще объяснять материал, работать с детским коллективом по поводу того, что есть дети особенные. Учитель перестал выполнять воспитательную функцию, что крайне важно для формирования личности. Екатеринбургские школы зачастую уступают в этом школам периферии. Из высказываний родителей: «Учителя не понимают, что такое приемный ребенок, резко высказываются подростку о прогулах по болезни. Низкая педагогическая культура. Не поддерживают ребенка, бестактное отношение. Американская бездушная система уроков. Отношение к приемным семьям плохое», «Мальчик ходил в спец. садик и коррекционную школу закончил. Пошли в пятый класс в обычную школу. Нет сопровождения особых детей. Директор обычной школы не может ничем помочь, учителей не хватает. Занимаются с репетиторами. Футбол – льготная плата, танцы хип-хоп – платные занятия», «Хочется педагогического внимания и такта. Нулевой уровень педагогической культуры даже у классного руководителя».

Выделяется недостаточное количество путевок в загородные лагеря приемным детям. Дают одной семье путевки в 2-3 лагеря, посещать детей родителям неудобно, и дети страдают от того, что их разделяют.

ПРИБОБРЕТАЯ НОВЫЙ ОПЫТ

При создании приемной семьи очень важно вовремя получить профессиональную высококвалифицированную помощь. Наш корреспондент Екатерина Лескова встретилась с педагогом-психологом Натальей Хакимовой, имеющей большой опыт консультирования таких семей, и задала ей несколько вопросов, волнующих многих родителей.

— С чего начинается приемная семья?

— В первую очередь, с того, что одному из взрослых людей в семье приходит мысль: «А не взять ли нам приемного ребенка?!» У некоторых эта мысль возникает еще в детстве: «Я хочу большую семью, в которой будут свои и обязательно хотя бы один приемный ребенок» (такие случаи мне рассказывали сами родители, в стенах моего кабинета). Иногда страдающие от бесплодия, измученные бесконечными медицинскими исследованиями и манипуляциями супруги приходят к мысли о том, что «есть же уже кем-то рожденные дети, которые нуждаются в родителях». А бывает так, что на профессиональном пути встречается ребенок, который сам принимает решение и говорит: я хочу жить с тобой. Очень много интересных и необычных историй приемных семей. От появления первой мысли, до появления приемного ребенка в семье проходит от нескольких месяцев до нескольких лет. И этот период «вынашивания» я рассматриваю как подготовительный и очень важный этап для дальнейшей судьбы этой семьи.

Безусловно, заранее быть готовым ко всему невозможно, но вначале главное — иметь реалистичные представления о приемном ребенке и тех процессах, которые будут происходить с его появлением в семье. Приемные семьи — это одно из направлений моей деятельности. На протяжении 15 лет я веду прием семей именно этой категории. Нередко возникают обсуждения, а отличаются ли проблемы приемных семей от проблематики кровных.

На сегодняшний день можно встретить разные семейные семьи по своей структуре: состоящие из двух человек (мама и биологический ребенок, мама и приемный ребенок, папа и биологический или кровный ребенок, бабушка или дедушка с ребенком), в общем, вариантов семьи, состоящей из двух человек немало. Бывают семьи с детьми, где есть и кровные, и приемные дети для одного из супругов (если у одного или у обоих супругов есть дети от предыдущих браков). Безусловно, в каждой семье есть своя специфика, связанная с личностными особенностями самих родителей, особенностями их детей, тем жизненным опытом, который приобретен у каждого, с особенностями здоровья кого-то из семьи. Сегодня я хотела бы как раз поговорить о некоторых трудностях или проблемах, которые могут возникать в семьях, разных по своей структуре.

— Нужно ли всем вставшим на этот путь проходить Школу приемных родителей?

— Как одному из преподавателей Школы по подготовке приемных родителей мне неоднократно приходилось слышать фразы от кандидатов: «Зачем мне эта школа, я своих воспитала, сама кого угодно могу научить», «Пустая трата времени, все можно прочитать в Интернете», «А ничего что я педагог с большим стажем работы?» и другие фразы явно не про пользу ШПР. Я с большим уважением отношусь и к опыту, и к профессиональным навыкам, и даже возможностям интернет-ресурсов, но личным опытом, приобретенным через погружение в достаточно специфические темы, важен и необходим для эффективности функционирования семейной системы. Темы, связанные с психологической травмой ребенка, реакцией семьи на появление в ней ребенка и многие другие, прожитые через практические упражнения, через проживание и глубокий анализ собственных эмоций, обогащают личный опыт кандидатов, приводят к осознанию особенностей тех условий жизни, через которые прошел ребенок. Через собственный приобретенный опыт и потребности становится понятно, в чем нуждается ребенок, который приходит к нам в семью. Вот почему создание Школ для приемных родителей так важно.

Но подготовить теоретически — это полдела, даже четверть. Когда человек получает заключение от отдела опеки о том, что может быть кандидатом в приемные родители, с этого момента начинается его реальность и путь в роли приемного родителя.

— А как понять, подходит тот или иной ребенок для конкретной семьи?

— Выбор ребенка — очень непростая задача. У многих появляются вопросы: «Дети не товар, как их можно выбирать», «Была бы моя воля, забрала бы всех», «А как понять, что именно этот ребенок наш?» Что же касается здоровья ребенка, то там совсем «китайская азбука». Что написано в медкарте, что это означает, какие прогнозы, что с этим можно сделать, а вообще — есть шанс, что он станет нормальным? Как выстроить первую встречу, что на нее брать, про что говорить, как играть. Знания, конечно, есть, а вот на практике всё впервые. И часто на стадии выбора ребенка требуется консультативная помощь разных специалистов, потому что в учреждении, где находится ребенок, к сожалению, достоверной информации зачастую не дают. Возможно, боятся, что от ребенка откажутся потенциальные усыновители, когда узнают о том, что он имеет какие-то особенности, а возможно, сами не до конца понимают его поведение — причины его индивидуальных или наследственных установок, или в том, что рядом нет близкого взрослого, с которым можно исследовать этот мир и развиваться. С этого момента начинается сопровождение семьи, которое должно быть доступным на разных этапах жизни семьи, т.к. первые трудности возникают достаточно рано, на стадии адаптации.

Проблемы, связанные с адаптацией, разнообразны, и сказать, что они

заканчиваются раз и навсегда — невозможно. Адаптация — это процесс, который сопровождает человека всю жизнь. История приемного ребенка, гораздо печальнее, ему пришлось пережить брошенность, предательство, одиночество, ощущение угрозы от всего мира. Имея такой багаж, приходя в новое место, он ощущает опасность и использует «тяжелую артиллерию» своих приспособительных реакций. Сложностей в этот период в семье много, а если еще учесть, что не только ребенок, но и каждый родитель находится в адаптационном процессе, то круг проблем оказывается очень широким, и зачастую требуется помощь специалиста.

— С чем чаще всего приходят к вам родители на этапе адаптации приемной семьи?

— Я бы так разделила вопросы, с которыми приходят приемные семьи на консультативный прием:

• «Его поведение, какое-то не такое (много ест, плохо засыпает, испытывает страх при приближении к нему, безутешно плачет ночью);»

• «Я не могу к нему привыкнуть, держу на руках и чувствую, что он чужой, пахнет чужим, он телесно «деревянный», думаю все будет по-другому»;»

• «Пока приезжали к нему в детский дом, он радовался нам, папой и мамой называл, а сейчас молчит, на вопросы сквозь зубы отвечает, с просьбами не обращается, наверное, мы не подходим друг другу»;»

• «Вначале все было хорошо, он старался, всё как в детском доме прибирал, ел хорошо, все просьбы выполнял, а потом как с цепи сорвался: не слушает, домой вовремя не приходит, открыто не конфликтует, но всё по-своему делает, вещи портит свои и дома на порчу мебели перешел. Разговариваешь, вроде бы всё понимает, а в поведении всё без изменений»;»

• «Кровный сын в начале был рад появлению младшей сестры, а сейчас раздраженный, просит убрать ее из его комнаты, стал обижаться, что мы слишком много внимания ей уделяем, а к нему безразличны, хотя это не так. Стал

спрашивать, а нельзя ли ее обратно в дом ребенка отвезти»;»

• «Он не понимает простых вещей, я рассчитывала, что в 16 лет это вполне самостоятельный человек, а он как большой ребенок».

Адаптационный период — это один из самых сложных периодов жизни семьи. Безусловно, есть возрастные особенности, которые его усугубляют, либо наоборот облегчают. У детей раннего возраста он протекает в более спокойном режиме, чем старше ребенок, тем с большими трудностями сталкивается семья. Наиболее сложная адаптация проходит у детей, которые длительное время воспитывались в государственной системе, которые совсем не имеют опыта создания близких отношений, у травмированных детей (которые столкнулись с насилием или пренебрежением в предыдущей семье), когда от ребенка был не один отказ взрослых, когда он общается с биологической семьей и считает приход в семью предательством своих биологических родителей.

С проблемой адаптации обращаются на первом году создания приемной семьи, вне зависимости от возраста ребенка и опыта приемных родителей.

В зависимости от возраста ребенка, пришедшего в семью, проблематика может меняться, но адаптация длится примерно около года. Срок достаточен для того, чтобы израсходовать все ресурсы и не всегда получить положительный результат, в связи с этим психологи рекомендуют обращаться за специализированной помощью. Это не означает, что вы как родители не справляетесь, или что вы не успешны, это помогает снизить риски негативных процессов адаптации и выстроить максимально доверительные отношения с ребенком.

И если провести статистический анализ, то из общего количества обращающихся семей (если условно взять их за 100%) около 25–30% волнуют темы, связанные с адаптационными процессами ребенка (в семье, в детском саду, в школе, в социуме).

Еще одна из распространенных проблем, с которыми семьи обращаются к психологу, — это отсутствие мотивации ребенка, и к сожалению, не только учебной. Чаще всего эта проблема становится очевидной как раз к началу школьного обучения. Это сложности с эмоционально-волевой сферой, ребенок не может высидеть урок, постоянно отвлекается, импульсивно реагирует на разные ситуации, не запоминает простые вещи. Пробелы в развитии из-за неблагополучия становятся очевидными, у ребенка не сформированы простые знания о мире, кругозор узок, он не может установить причинно-следственные связи, логически мыслить и еще много сложностей, с которыми обращаются родители. Возможно, вы скажете: а разве в семье с биологическим ребенком такого не может быть? Безусловно, может, но причины имеют разную природу. У приемного ребенка это чаще всего связано с тем, что первые месяцы жизни рядом не было близкого взрослого, который реагировал бы на потребности ребенка, помогая устанавливать сложные нейронные связи в мозгу. Большинство из этих связей остались так и не «замкнутыми» (есть потребность в еде, проходит сигнал в мозг, нет близкого взрослого, который мог бы среагировать и удовлетворить потребность в пище, несколько минут плача и отчаяния, а потом тишина, сигнал перестает поступать, и дети, которые вырастают в таких условиях, потом не испытывают чувства сытости, голода, они готовы кушать тогда, когда им предлагают пищу, а не тогда, когда они хотят. На восстановление этих процессов уходит месяцы, а то и годы). Такие неустановленные связи происходят во всех сферах жизни одинокого ребенка. В таких условиях невозможно установление близких эмоциональных отношений, их просто не с кем устанавливать, нет постоянного, настроенного на потребности ребенка, взрослого.

Нередко приходится слышать такое высказывание от приемных родителей: «Иногда мне кажется, что он мстит мне за свое несчастливое детство в биологической семье или детском доме». Казалось бы, приемные родители — это те единственные люди в жизни ребенка, которые многое готовы для него делать, заинтересованы в отношениях с ним, любят и заботятся, и очень расстраиваются, когда слышат фразу: «Вы мне не родные!» или «Верните меня в детский дом, я все равно не такой, как вам нужен». И могут быть прямые обвинения в том, что это приемные родители виноваты, что он несчастен; кто-то из детей фантазирует, что если бы его не забрали в новую семью, то обязательно бы приехала красивая, успешная его биологическая мама и он мог бы быть с ней счастливым.

— Часто родители задают вопрос: «Как с этим быть, как реагировать, разрешать ли собирать вещи и отвезти обратно в детский дом?» Что бы вы ответили им?

— Единственное, что важно знать ребенку, что он нужен, что ваше решение не поменяется ни при каких-либо обстоятельствах, что до 18 лет — он ваш ребенок, а потом будет в праве сам принимать решение — где жить, поддерживать ли отношения с семьей, которая его вырастила. И про то, что вы понимаете его эмоции, а если не понимаете, то готовы с ним об этом разговаривать, разбираться, потому что вы желаете ему добра. Если мы обижаемся на детей, это говорит о том, что их поступки задевают какие-то наши болевые зоны, которые, вполне возможно, манифестируют, родом из детства. В связи с этим психологи, работающие в направлении детско-родительских отношений, говорят о значимости консультаций для самих родителей. Когда мы знаем, откуда это возникает, мы можем этим управлять.

В любой семье есть нормативные кризисные периоды, которые проживаются иногда слишком сложно, иногда с потерями (разводами, уходами). Чаще кризисы семейной системы накладываются на возрастные кризисы детей, а если ребенок имеет еще и травматичный опыт из прошлого, то бывает совсем тяжело.

В последнее время стали все чаще говорить о травме разлуки ребенка с

биологической мамой. Это тот травматичный опыт, который получает каждый ребенок, оказавшийся вне своей семьи, то есть каждый ребенок, который проживает в приемной семье, его имеет. Некоторые родители считают, что если ребенок в раннем возрасте, с момента отказа в роддоме не видел свою биологическую мать, не находился длительное время в государственном учреждении, то он не имеет такой травмы. Жизнь ребенка начинается задолго до рождения, и его внутриутробный период можно считать жизненным опытом. Он был сильно зависим от тех внешних обстоятельств, которые были связаны с его мамой и им самим. Состояние мамы в момент беременности, люди, которые взаимодействовали с мамой, их отношение и действия, которые могли нести угрозу или наоборот ощущение безопасности. Питание, которое было у мамы, ее зависимости, если были, затем сами роды. Происходит смена всего значимого, что окружало ребенка, это первый стресс, с которым при нормальных условиях помогает справиться мама, ее кожа, руки, грудь, сердцебиение, которое малыш слышит. В случае отказа от ребенка этого всего нет, малыша не кладут на живот маме, не ждут, когда он приложится к груди, его пеленают и уносят в отдельный блок, где ребенок погружается в мир новых звуков, вкусов, телесных ощущений и эмоциональную пустоту. Все манипуляции по уходу за малышом выполняются механически, точными и выверенными профессиональными движениями медицинского персонала, и не потому что они бессердечные, просто чаще всего у них есть те, кого они любят и заботятся, а это просто их функциональные обязанности.

Безусловно, чем быстрее малыш попадает в приемную семью, тем быстрее происходит излечение одиночества, и в некоторых территориях организована очень оперативная работа по семейному жизнеустройству грудных детей, но даже при этих обстоятельствах проходят дни и недели одиночества и колоссального страха, переживаемого маленьким человечком.

Как эта травма отзовется в будущем — мы не знаем, но одно понятно, что не признавать ее нельзя, придет время, когда будут рассказы про это, и даны гарантии, что больше с этим ребенком этого никогда не произойдет. Гарантии и устойчивость позиции приемных родителей очень нужны ребенку, чтобы справиться со страхом отвержения, что он никому не нужен и что он не достоин любви.

Итак, проблемы, с которыми чаще всего обращаются приемные родители:

1. Сложности, связанные с адаптационным процессом:
 - Определение уровня развития ребенка, или степень его задержки
 - Страх ребенка (неспокойный сон, страх мужчин, громких звуков, новых условий, игрушек, энурез, каломазание и т.д.)
 - Навязчивые движения (грызение ногтей, раскачивание, выдергивание волос, биение головой о стену или пол, мастурбация и др.)
 - Беспричинные истерики у ребенка
 - Усталость родителя, разочарование, несоответствие реальности приемного родительства с представляемой ранее картиной
 - Сложности с адаптацией в образовательном учреждении (непослушание, агрессивное поведение, или наоборот — застенчивость, замкнутость)
2. Проблемы, связанные со школьным обучением (выделяю как отдельный блок проблем, т.к. он наиболее распространенный и многочисленный):
 - Отсутствие учебной мотивации, ребенок не понимает, зачем учиться, не проявляет интереса, обучение воспринимается как сложный не нужный процесс, от которого можно отказаться
 - Сложности в усвоении учебного материала, не формируются навыки чтения, письма, счета. Ребенок не усидчив, не внимателен, часто бывают эмоциональные вспышки, не справляется с объемом домашних заданий

Семья Андреевых.

- Сложности во взаимоотношениях со сверстниками: неразборчивые дружеские отношения, ведомость, конфликтность, поверхностность в отношениях, легко устанавливается знакомство, но не могут удержаться в длительных дружеских отношениях
- Рассеянность, неорганизованность: постоянно теряет личные вещи, забывает всё, не может вовремя подготовиться к уроку, найти кабинет, сориентироваться во времени.
- 3. Проблемы, связанные со здоровьем ребенка:
 - Часто болеет простудными заболеваниями, не посещает образовательное учреждение, родитель вынужден постоянно оформлять больничный лист по уходу за ребенком
 - Тяжелые врожденные заболевания, которые могут повлечь в будущем инвалидность
 - Неврологические заболевания и органические повреждения головного мозга, несформированность нейронных связей в мозгу, и как следствие — проблемы с обучением и интеллектуальным развитием
 - Задержка психического развития и умственная отсталость как следствие социально-педагогической запущенности
- 4. Планирующийся отказ от приемного ребенка.
- 5. Травматичный опыт ребенка (жестокое обращение в кровной семье, смерть близкого человека, убийство на глазах ребенка, отвержение близкими родственниками ребенка и др.).
- 6. Приемные родители испытывают сильное эмоциональное напряжение,

связанное с контролем со стороны органов опеки и попечительства, и воспринимают отдел опеки как карательный орган, а не как помогающих специалистов.

Бывают и другие причины обращения, но я перечислила наиболее часто встречающиеся.

Родителям необходима помощь и поддержка различных ведомств и не только приемным семьям. К сожалению, мама, находясь в отпуске по уходу за ребенком, получает материальные выплаты до полутора лет, а затем они становятся просто смешными. Детские сады начинают набор детей с 2-х лет, при том, что в районе достаточно дошкольных образовательных учреждений и мест в ясельных группах. Зачастую предлагается путевка только к 3-4 годам, и мама, находясь в неоплачиваемом отпуске, вынуждена нанимать няню, или отдавать детей в частные детские сады за высокую плату и к сомнительным педагогам. Хотелось бы, чтобы этот вопрос решался на законодательном уровне.

Состояние здоровья детей, имеющих последствия депривации, входит в особую категорию, и хотелось бы, чтобы врачи учитывали особенности развития, которые требуют индивидуального и особого подхода.

Хотелось бы, чтобы особенности детей, переживших травму, были понятны всем специалистам, которые работают с ребенком (воспитатели, учителя, врачи, тренеры и др.). Необходимо совместно идти с ребенком, преодолевая все события его негативной прошлой жизни, приобретая новый опыт, основанный на успехе и радости.

ТАТЬЯНА МЕРЗЛЯКОВА: «МЫ ОБЯЗАНЫ ПОМОГАТЬ»

С Уполномоченным по правам человека в Свердловской области Татьяной Георгиевной Мерзляковой побеседовал председатель Союза приемных родителей Юрий Демин:

— Очень большую долю среди причин сиротства занимает насилие в семье. И когда принимали поправки в законодательство о декриминализации в семье, мы сильно протестовали против этого, выступали, писали в Госдуму, Президенту, в Совет Федерации. Но поправки приняли, и теперь Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Москалькова заявила, что это была ошибка. Каково ваше отношение к этой проблеме?

— Я думала, что можно что-то сделать в этом вопросе с точки зрения морали, нравственности со стороны соседей, родных, которые могут остановить насилие, если мы гуманизируем законодательство. Я понимала, что у нас уже очень много осужденных, много лет работаю с общественной организацией «Екатерина», и мы знаем ситуацию с насилием в семье. Мы хотели иметь на эту тему отдельный закон, но не случилось — закон не приняли. Выслушав доводы всех сторон, я пришла к выводу о том, что возможно я была не права, когда думала, что нельзя только с точки зрения уголовно-правового фетишизма справляться с этой проблемой. Я не против борьбы. Я за то, чтобы работали множество таких организаций, как ваша и другие, друзья-соседи останавливали эту волну насилия. Но, похоже, мы зашли далеко, и нам снова требуется уголовный кодекс. Мы обсуждали с другими уполномоченными и сегодня возвращаемся к той первичной позиции, которая выработалась нами 15 лет с общественной организацией «Екатерина» — ужесточить...

— У нас столько всяких служб, но когда только начинается неблагополучие в семье, рядом никого нет, до тех пор, пока не происходят несчастья — убийство, избиения до полусмерти, издевательства над детьми. Нет же никакой профилактики, получается.

— У нас на социальную политику уходит 67 миллиардов рублей, есть центры помощи семье и детям. Может быть нужно лучше работать по профилактике. Ведь дети получают психологические травмы на всю жизнь. Действительно, никто не пишет о том, что было сделано до того, как случилось несчастье, где были все эти службы профилактики...

— Комиссии ПДН, подразделения в МВД, органы опеки должны работать. А люди к нам тянутся как к последней инстанции, к сожалению или к счастью.

— Это к счастью. Если семье и детям нужна помощь, то, по сути, не важно, кто из понимающих людей подхватит семью с проблемой и поможет достучаться до компетентных органов. Некоммерческие организации всегда неформально подходят к решению проблем, они

не ограничены ведомственными пределами, поэтому и помогают семьям более комплексно. И замечательно, что вы объединились. Посмотрите, сколько внимания уделил семье в послании к Федеральному Собранию Президент России.

— В основах вашей работы записано — критическое сотрудничество с органами власти — это как?

— Это абсолютно всё. Вот видите, сколько обращений у меня на столе, и по неисполнению судебными приставами решений, и всё, что угодно. Ежегодно традиционно я представляю губернатору доклад о своей работе, где пишу о болевых точках. К тому же в течение года встречаюсь с ним по назревающим сложным ситуациям — ведь почта Уполномоченного — это как лакмусовая бумага проблем людей в регионе.

— Есть особенно проблемные территории в области, где органы опеки почему-то превращаются в карательные органы. Люди ревмя ревут. На местах законодательные нормы трактуют кто во что горазд, нет единого подхода — по тем же пресловутым отчетам опекунов, например. И что делать людям в таких отдаленных территориях, где угрожают изъятием детей, где не к кому даже обратиться за разъяснением своих прав?

— Писать нам обращения. И мы будем реагировать. Поверьте, мы достаточно независимы от всех органов власти. Кое-что уже сделано. Ведь раньше правами детей тоже занималось наше ведомство, пока не появился институт уполномоченного по правам ребенка. Вот очередной мой доклад о правах человека. Например, дети, находившиеся под опекой, которым уже исполнилось 18 лет и они еще учились в школе, переставали получать пособия. Теперь это исправили.

— Да, это здорово. Мы тоже поднимали этот вопрос. Но недочетов еще много в законодательстве.

— Давайте будем взаимодействовать. И в чем мы могли бы еще посотрудничать с вашей организацией — ведь в адрес детей принимаются судебные решения в случае смерти родителей, лишения прав, алименты и так далее. Зачастую не исполняются решения, и мы готовы сейчас тесно работать с этим.

— Что делать с большой очередью на жилье для детей-сирот? Зачастую детям уже 20 лет и больше, а они продолжают жить в приемных семьях, и люди могли бы новых детей принять в семьи, но там просто жилплощадь не позволяет.

— Мы очень много работаем по этой теме. Проблему с очередью на жилье детей сирот нужно разделить на две составляющие.

Первое — это проблема предоставления жилья на дату возникновения права — в этом направлении ведется работа по ежегодному увеличению выделяемой суммы на строительство жилья. Вторая, не менее важная, нужна активная и продуктивная работа с кровными семьями по профилактике социального сиротства. Семей надо заниматься как можно раньше, чтобы предотвратить появление социальных сирот. Если мы

не будем заниматься кровной семьей, мы никогда не решим проблему предоставления жилья сиротам.

— В своем докладе вы упомянули проблему средств, накопленных на счетах сирот, которые после их совершеннолетия превращаются в прах, просто исчезают из-за различных мошенников, неумения детей распоряжаться деньгами. А это сотни тысяч и даже иногда миллионы рублей. Сегодня мы, к сожалению, имеем ситуацию, когда органы опеки на местах запрещают приемным родителям тратить на детей средства, поступающие им на счета — пенсии, алименты, заставляют копить эти средства. Чем напрямую нарушают законодательство, часто угрожают неприятностями родителям. А мы, опытные родители, прекрасно знаем, что деньги эти превратятся в пыль, к тому же — инфляция. А деньги могут быть потрачены на лечение детей, поездки к морю, дополнительное образование — то есть это вложение в ребенка, в его будущее. Что делать в такой ситуации родителям, когда вместо помощников органы опеки на местах превращаются в карательные и запретительные органы?

— Общественности, Уполномоченным понемногу воспитывать этих людей. Конечно, есть общая проблема в стране — проблема кадров, ведь долгие годы никто не готовил социальных специалистов. Печально, что на местах специалисты опеки зачастую не осознают последствий своих решений и подобного поведения. Среди них не должно быть равнодушных людей. Думаю, если и такая организация, как ваша, будет подсказывать эти тонкие места в трактовке законов, в применении, привлекать внимание федеральной, региональной власти и, конечно же, общественности и СМИ, то ситуация будет меняться в лучшую сторону. Вот и ваша газета, наверно, призвана ставить в том числе острые вопросы и просвещать.

— Могли бы вы поддержать инициативу по созданию межведомственного органа по делам приемной семьи?

— Я бы поддержала создание национального проекта Свердловской области по развитию института приемной семьи. Ведь у нас 12 проектов национальных. Одно межведомственное совета мало.

— Помогает ли вам в такой нелегкой работе журналистский опыт?

— Конечно, уметь слышать человека, уметь говорить с ним — это опыт журналистики. И он очень важен в сегодняшней работе с человеком.

— Ну и ваше пожелание нашим родителям накануне съезда?

— Можно мечтать о многом, но без семьи, детей, на мой взгляд, не бывает личного счастья. И мне посчастливилось увидеть десятки замечательных семей. Радость в дом принесли приемные дети и, как бы порой с ними не было трудно, сколько бы шрамов не добавляли они в сердце матери, — все, с кем я знакома, говорят — это особое счастье. Дорожите им. А мы обязаны помогать.

Ежегодно обнародуется доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. Многие его положения зачастую отражают наши с вами проблемы в области опеки и попечительства, а также положение детей-сирот, которые выросли и вышли из стен государственных учреждений. Иногда за сухими цифрами и строчками – наша с вами боль. Сегодня мы публикуем выдержки из Доклада по итогам 2018 года.

О проблеме постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей этой категории (далее по тексту – сироты) Уполномоченный по правам человека пишет уже много лет. В 2018 году уже внутри этой категории сирот Уполномоченный выделила для изучения ситуации еще более уязвимую категорию – сироты, имеющие ментальные нарушения здоровья.

Специалисты организаций социального обслуживания осуществляют контроль жизнедеятельности ребенка через взаимодействие с учреждением профессионального образования и с самим несовершеннолетним. С несовершеннолетним ведется переписка, поддерживается связь, в том числе по телефону, через социальные сети. При необходимости оказывается помощь в решении бытовых проблем выпускника. Администрации учреждений образования, в свою очередь, извещают организации о сроках возвращения в учреждение воспитанника, например, на время каникул, информируют об успеваемости и посещаемости, о возникновении проблемных ситуаций у несовершеннолетнего и т.д. Выпускникам, продолжающим обучение в профессиональных образовательных организациях, организациями социального обслуживания, являющимися (являвшимися) их законными представителями, предоставляется возможность проживания в учреждении до завершения обучения. Сопровождение выпускников до 18 лет, хотя и имеет свои проблемы, все же в нашей области носит системный характер. Сопровождение выпускников старше 18 лет осуществляется на точечном опыте конкретных учреждений, что не позволяет на практике выработать единые подходы, технологии, методы, часто отсутствует преемственность.

Так, в одном из центров социальной помощи семье и детям, объединивших два детских дома, существует две практики, сложившиеся с годами в этих учреждениях. В одном из них применяется практика наставничества (кураторства), в другом – в штатном расписании имеется сотрудник, который занимается только сопровождением, при этом результат сопровождения выпускников старше 18 лет нигде не фиксируется. И при смене сотрудника либо во время его отсутствия связь с выпускниками и информация о состоянии их дел будут утрачены. Организациями социального обслуживания осуществляются мероприятия по социальному сопровождению выпускников преимущественно в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», и законом Свердловской области «О социальном обслуживании граждан в Свердловской области» – общими нормативно-правовыми актами по социальному обслуживанию. Проблема отсутствия в нашей области единой системы постинтернатного сопровождения, о которой Уполномоченный по правам человека говорит уже несколько лет, услышана органами власти. Но это только самое начало, и Министерству социальной политики Свердловской области необходимо организовать работу по скорейшему внедрению системы постинтернатного сопровождения. Проблемы, которые остро стоят при сопровождении выпускников с ментальными нарушениями здоровья, известны. Нарушение сроков предоставления выпускникам жилых помещений и отсутствие у них возможности найма жилья вынуждают этих людей пополнять мар-

гинальные слои общества. Для решения этой проблемы необходимо предусмотреть временное жилье – социальные гостиницы, центры постинтернатного проживания и т.д., внедрять сопровождаемое проживание для выпускников с ментальными нарушениями, в том числе привлечь гражданское общество для решения этих задач.

О накопленных на счетах детей денежных средствах. По достижении 18 лет выпускники часто на своих счетах имеют сбережения, исчисляющиеся несколькими миллионами рублей. В силу финансовой неграмотности и наличия заблуждений они становятся жертвами мошенников, при этом сами выпускники остаются без средств к существованию. Если проблему финансовой неграмотности для здоровых сирот возможно решить через внедрение технологии их обучения, то очень немногие выпускники с ментальными нарушениями осилит эти знания. Министерству социальной политики Свердловской области, Министерству общего и профессионального образования Свердловской области, Министерству здравоохранения Свердловской области совместно с Министерством по управлению государственным имуществом Свердловской области, Министерством финансов Свердловской области, Министерством строительства и развития инфраструктуры Свердловской области необходимо проработать вопрос подбора зданий из числа объектов собственности Свердловской области с целью размещения в них для временного проживания выпускников интернатных учреждений, которые обучались по адаптированным образовательным программам.

О проблеме трудоустройства. Департаменту по труду и занятости населения Свердловской области совместно с Министерством социальной политики Свердловской области, Министерством общего и профессионального образования Свердловской области проработать вопросы трудоустройства выпускников интернатных учреждений, которые обучались по адаптированным образовательным программам. Приведем несколько примеров из жизни воспитанников государственного учреждения. П., 18 лет. Учился в Каменск-Уральском техникуме строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Как только исполнилось 18 лет, у него появились знакомые, которые под разными предлогами забирали у него все деньги. В силу наличия у него ментальных нарушений его легко можно было обмануть, подчинить своей воле или просто запугать. Большую часть сбережений он отдал вымогателям, потом менял съемные квартиры, пока деньги не закончились. Сейчас живет где придется. Постоянной работы нет, состоит на учете по жилью для сирот.

Н., 22 года. Окончил Каменск-Уральский техникум строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Регистрации по месту жительства нет. Из-за этого на учет в Центре занятости его не ставили, на работу официально нигде не брали. Жил где придется. Есть было нечего. Накопленных средств на счете не было, так как не имел инвалидности и пенсию не платили. Совершил преступление. Отбывал наказание сроком 1 год и 1 месяц, условно-досрочно освобожден. Состоит на учете по жилью для сирот. Сейчас предоставили работу и жилье в ГКОУ СО «Екатеринбургская школа-интернат № 8».

К., 19 лет. Окончил Каменск-Уральский техникум строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Жил у сестры. На счете были сбережения в размере 1 800 000 рублей. За полгода ничего не осталось. Пропустил сроки продления инвалидности и перестал получать пенсию. Сестра его выгнала, и он остался на улице. Был поставлен на учет в службу занятости, получал пособие, полгода жил на квартире. В службе занятости давали направление на работу, но везде отказывали в трудоустройстве. Состоит на учете по жилью для сирот. Живет где придется.

М., 19 лет. Окончил Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В.М.Курочкина. На счете

были сбережения – 1 800 000 рублей. За полгода все свои сбережения отдал появившимся знакомым. ГКОУ СО «Екатеринбургская школа-интернат № 8» помогла отремонтировать в закреплённом жилье кухню и частично комнаты. Состоял на учете в службе занятости, но работу так и не получил.

Да, совершеннолетие – это возраст, когда человек приобретает полную дееспособность и сам отвечает за себя. Но нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что без профессионального сопровождения сироты с ментальными нарушениями просто не выживут в обычной жизни. Анализ ситуации с сопровождением бывших воспитанников коррекционных образовательных учреждений интернатного типа Уполномоченный вынес на рассмотрение расширенного заседания Областной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав 23 октября 2018 года. По результатам заседания даны поручения профильным ведомствам. Первый опыт сопровождаемого проживания уже имеется – в Нижнем Тагиле на улице Булата Окуджавы. Уполномоченный по правам человека вместе с заместителем главы Нижнего Тагила получили повод для радости за ребят и за будущее данной программы.

О жилье для сирот. В ежегодном докладе за 2017 год Уполномоченный говорила об истечении в 2018 году первых 5 лет с начала действия правовой нормы, предусмотревшей необходимость принятия решения о переводе предоставленных жилых помещений сиротам в 2013 году из специализированного найма в социальный наем либо заключения с сиротами вновь договора специализированного найма. Для реализации положений закона управления социальной политики за месяц до окончания срока действия договора найма специализированного жилого помещения направляют в Фонд жилищного строительства заключения о наличии (отсутствии) обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания детям-сиротам содействия в преодолении трудной жизненной ситуации. При этом необходимо запросить информацию от различных органов и составить акт обследования условий жизни сирот, в котором отражены оценка их жилищно-бытовых условий, сведения о занятости трудовой деятельностью, наличии или отсутствии постоянного заработка, навыках самообслуживания (умение самостоятельно планировать собственный бюджет и расходовать его, выполнять обязанности по обеспечению сохранности жилого помещения, поддержанию его в надлежащем состоянии, организация досуга). Все это является основанием для принятия решения о заключении с детьми-сиротами договора социального найма либо договора найма специализированного жилого помещения на новый пятилетний срок. Сейчас можно говорить о первых результатах.

В 2018 году истек срок действия 91 договора специализированного найма жилых помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. По состоянию на 28 ноября 2018 года в Фонд поступило 47 заключений (52%) об отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания содействия в преодолении трудной жизненной ситуации, и 37 заключений о наличии этих обстоятельств, либо уведомления о невозможности подготовки заключения. По 7 гражданам срок предоставления информации еще не истек.

Таким образом, неутешительные прогнозы Уполномоченного, к сожалению, сбываются – только половина из всех обеспеченных жильем в 2013 году сирот не находятся в трудной жизненной ситуации. Если в Свердловской области не заработает должным образом постинтернатное сопровождение, то предоставленное жилье не пойдет на пользу ни сироте, ни государству.

О выплатах школьникам-сиротам, находившимся под опекой и достигшим 18-летия. Полное среднее образование в школе занимает 11 лет,

соответственно в зависимости от возраста поступления в 1-й класс многие ученики в выпускном классе становятся совершеннолетними. В адрес Уполномоченного обратилась бывшая попечитель И. с проблемой отказа в выплате денежных средств на содержание ребенка (1999 г.р.), находящегося под опекой или попечительством до 18 лет и обучающегося в общеобразовательной школе. Вот строчки из письма: «...Находясь на пенсии (я отработала 33 года фельдшером в сельской местности на ФАПе), продолжала работать, чтобы мои приемные дети ни в чем не нуждались, так как пособия на содержание детей не хватало. Детей первые три года приходилось усиленно лечить в связи с их состоянием здоровья. Да всего не перескажешь, что нам пришлось преодолеть. Но в мае 2017 года у меня разрушился коленный сустав, и я не смогла работать дальше... Кроме этого пособия на содержание ребенка нет никаких средств к существованию (пенсии, алиментов)... я так понимаю, что если он родился раньше сентября, он не хочет кушать, одеваться, учиться?.. Где же справедливость?..»

Действительно, 9 октября 2017 года вступили в силу изменения, внесенные законом Свердловской области от 25 сентября 2017 года № 105-03 (далее – закон СО от 25.09.2017 № 105-03) в статью 3 закона Свердловской области «О денежных средствах на содержание ребенка, находящегося под опекой или попечительством». Согласно внесенным изменениям, в случае достижения ребенком, находящимся под попечительством, в период обучения в общеобразовательной организации по образовательным программам основного общего и (или) среднего общего образования возраста 18 лет, за ним до завершения обучения в такой организации по указанным программам сохраняется право на получение денежных средств на содержание ребенка, находящегося под опекой или попечительством. Уполномоченный по правам человека обратилась к депутатам Законодательного Собрания Свердловской области с просьбой рассмотреть возможность внесения таких изменений. Как это бывает, в одном классе школы находились лица из числа сирот как получающие это пособие, так и лишенные такого права, что приводило к неравным условиям одинаковой категории граждан. «Законодатель должен руководствоваться конституционным принципом равенства, который, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, носит универсальный характер, оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. /...../

В Законодательном Собрании Свердловской области оперативно была создана рабочая группа, состоящая из всех заинтересованных ведомств, и в течение трех месяцев были подготовлены и внесены необходимые изменения в закон. Во время первых встреч на рабочей группе звучало мнение о невозможности «подстроить» закон под каждого, что грешность есть в каждом законе, что речь идет о небольшом количестве сирот. Действительно, по данным областного Министерства социальной политики, по состоянию на 26 марта 2018 года в Свердловской области таких сирот было всего 6 человек, но это совершеннолетние сироты-школьники, для которых пособие было единственным средством к существованию и возможностью закончить школу.

Здравый смысл, социальная ответственность, мудрость и справедливость взяли верх. Денежные средства на содержание обучающихся в 2017/2018 учебном году выплачены в августе и сентябре 2018 года 7 школьникам (один из которых приемный сын заявительницы, поступивший в этом году в УрФУ), и 2 школьника остались обучающимися на 2018/2019 учебный год с продолжением выплаты пособия. /...../ Очень важно для каждой семьи, что ребята продолжили учебу. И пусть изменения в областном законе касаются только семи человек, но эти изменения стоило принять, чтобы помочь людям.

ИГОРЬ МОРОКОВ: «НЕ УЧИТЬ, А ПОКАЗЫВАТЬ»

Накануне съезда приемных родителей наш корреспондент Дмитрий Горчатов встретился с Уполномоченным по правам ребенка в Свердловской области Игорем Мороковым.

– У вас уже большой опыт работы в этой должности – скоро 10 лет. Наверно, не случайно вы оказались на этом месте?

– Да, вы правы. Опыт связан не только с этой должностью. Я практически прошел все ипостаси работы с детьми – педагогическое образование, спортивная работа, руководил спортивным клубом 10 лет, в школе поработал, «молодежка», комитет по социальной политике Чкаловского района, где я столкнулся с правозащитной проблематикой, комиссия по делам несовершеннолетних, замглавы Чкаловского района и всё остальное.

– Педагогическое образование помогает сейчас в работе?

– Безусловно. Взаимодействие с ребёнком строится на определенных педагогических принципах. Одно дело – учиться, а другое – понимать, как эти принципы применять. Кто такой хороший педагог? Какие у него должны быть качества? Здесь важна своевременная реакция на ситуацию. Это внутренняя заряженность, которая дает возможность реагировать. Ведь, если на педагогическую ситуацию быстро и адекватно не среагировать, то она затягивается и усложняется.

– За эти годы насколько изменилась повестка в области защиты прав детей? Как было и как стало?

– В своей работе мы отталкиваемся от статистики. Такой подход позволяет видеть, как меняется ситуация в этом десятилетии, начиная от общих демографических показателей, заканчивая показателями здоровья детей и поддержки детей-сирот по всем социальным параметрам. Свердловская область – пожалуй, единственный субъект РФ, где система мониторинга закреплена отдельным нормативным актом – 305-м распоряжением Губернатора, благодаря которому появилась возможность собрать все материалы и данные в сфере детства. Например, в 2015–2016 годах нами были отмечены кризисные всплески, связанные с оформлением опеки, с тем, что иногда необоснованно и без оформления соответствующих документов забирали детей из семей. Сейчас ситуация выстраивается, планомерно движется в сторону улучшения. Возможно, на сегодня закрыты еще не все проблемные вопросы – это связано, в том числе, и с формированием федеральной нормативной базы, но ситуация выравнивается.

– Насколько совершенно законодательство сегодня, чтобы адекватно защитить ребенка, семью?

– Наверное, не все жизненные перипетии в законе можно отразить. Если даже всё в закон занесем, то рано или поздно возникнет ситуация, когда чего-то в законе не окажется. Реализацией и защитой прав ребенка сегодня занимаются различные организации, но над всеми стоит прокуратура. В законах написано – «Права и законные интересы ребенка». Вот та же ТКДН (территориальная комиссия по делам несовершеннолетних), мне приходилось в ней работать, казалось бы, полномочий для защиты прав детей хватало, но когда пришел на эту должность, то увидел массу жалоб... Сначала я не очень понимал свою задачу, пока не оказался за одним столом с профессором Борисом Николаевичем Алмазовым, психологом. Он задал мне простой вопрос – чем ты занимаешься? – Ну, вот защищаю детей, чтобы законы исполнялись. Он спрашивает – ты прокурор? Отвечаю: но ведь у нас семейные проблемы, воспитание. «А ты кто – господин Бог, чтобы вмешиваться в семью? Священник и то не всякий может вмешаться». Поставил меня тогда в тупик этими вопросами. А со временем я понял, в чем заключается миссия уполномоченного.

Для таких моментов, как свобода мысли и слова, право на получение образования и другие права – есть уже организации, которые этим занимаются. Но в Конвенции по правам ребенка есть статья 3, в которой говорится: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется НАИЛУЧШЕМУ обеспечению интересов ребенка».

Вот приведу такой пример: ребенок-сирота, заканчивая госучреждение, выходит из его стен. Ему говорят: министерство выделило тебе путевку – иди учиться в строительное училище на штукатурку. С точки зрения закона – всё нормально. А он, может, петь и плясать хочет, или художником стать. Государство не задумывается, а ведь мы должны обеспечить наилучшие интересы, и внушить это тем, кто принимает подобные решения. Иногда понудить, иногда убедить, чтобы ты, дорогой товарищ, подумал: какие последствия после твоего решения возникнут у конкретного ребенка. Никакая прокуратура или другие государственные органы таких вопросов не ставят. В этом и есть миссия Уполномоченного по правам ребенка.

Мы проверяем конфликтные ситуации по тем же приемным семьям, часто та же прокуратура говорит, что всё по закону. Например, приемная семья из Ачитского района, к которой приходило до 60 проверок в год. Казалось бы, всё в рамках закона, а по сути – вмешательство в жизнь семьи. Но я должен действовать так, чтобы обеспечить наилучшие интересы ребенка, ограждая его от чрезмерного внимания и опеки. Иногда, конечно, нужно не только целовать, обнимать ребенка, а и «пинка дать» в его же интересах, вовремя защитить из какой-то сомнительной компании. Но различные органы на местах, те же отделы опеки и попечительства, должны всегда осознавать, как их действия, даже в рамках закона, отражаются на жизни и судьбах конкретных детей.

Главная исполнительная организация во всех детских делах – это территориальная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Есть, конечно, и иные государственные органы, но в идеале весь масштаб проблемы с ребенком

и его семьей всегда должен обозревать председатель этой комиссии: представить всю панораму событий вокруг этого ребенка и условий его проживания, а потом грамотно и оптимально скоординировать действия всех участников реабилитационного процесса. И не просто записать: «Провести 60 проверок», типа – я же всё сделал, в библиотеку записал ребенка, на учет поставил и т.д., и т.п., а сделать всё возможное для реального улучшения жизни ребенка, а не только для своей отчетности.

– А кто должен быть на таких должностях?

– Вот ключевой вопрос. У нас сегодня таких людей не учат. К тому же должен быть тщательный отбор среди кандидатов. Существует конкурс, но строится он пока на формальных вещах. С другой стороны – кто должен оценивать? И конечно, должно быть сопровождение, супервизия и помощь. Всегда будут возникать сложные моменты, при решении которых потребуются какие-то советы. Но пока у нас нет структуры, которая сопровождала бы деятельность ТКДН. В некоторых субъектах Федерации есть целые отделы, которые методически и организационно сопровождают деятельность этих комиссий. В определенных территориях работают очень хорошо, поскольку в принятии решений серьезно используют не межведомственный подход, а междисциплинарный. Некие консилиумы, которые разбирают, что необходимо сделать, чтобы семье и ребенку было хорошо: сколько раз проверить или вообще не надо этого делать, вырабатывают общую стратегию и тактику, как работать с подростком, чтобы подходы были одинаковые – в семье, в школе, в секции, в кружке. Но пока таких комиссий еще не много. Чаще происходит формально, в соответствии с законом 120 ФЗ – провели заседание комиссии, тут же написали дежурную программу реабилитации, печать поставили, и всё!

– Да и еще мамочку поставили на ковер вместе с детьми и отчитали ее при них, какая она плохая, окончательно уронив авторитет родителя и разрушив психологическую обстановку в семье.

– Бывает, к сожалению, и такое. Я вхожу в состав Областной комиссии. Там много грамотных представителей разных министерств, госорганов. Иногда приезжаю на заседания таких комиссий

КАК ЭТО МОЖНО ДЕЛАТЬ...»

в территориях. Сажусь в уголочке и смотрю, что они делают. И я разных ситуаций там насмотрелся. Сам формат встреч, зачастую, чего только стоит. Когда сидит куча людей, и все эту мать или отца коллегиально чему-то поучают. А после всего я начинаю с ними разговаривать и разбирать ситуации.

Был как-то момент, когда одна мамочка встала, сказала: «Да пошли вы все!» – и ушла восвояси. «И чего вы добились? – спрашиваю. – Это хорошо, что она в первый раз к вам пришла, а ведь больше не придет». Они стали для нее не помощниками, а врагами. Другая мама во всем с ними соглашалась, всё подписала. Но я спросил у председателя: «А вы видели, что с ней было после первых двух вопросов?» – «Да, глаза у нее стали стеклянные, она закрылась от всех». Так вы добились своей цели – что-то исправить, помочь? И ведь в этих комиссиях неплохие люди сидят. Когда начинаешь с этими людьми конкретные ситуации разбирать, то они начинают понимать, что-то не так делали. С ними работать надо, помогать.

А вот кого туда набирать? В первую очередь тех, кто будет болеть за свое дело.

– Для чего вами создана рабочая группа по рассмотрению конфликтов по отобранию ребенка из семьи и необоснованного вмешательства в дела семьи?

– Когда на одном из заседаний Госсовета его участники выступали с обсуждением ювенальной юстиции (тогда как раз одна общественная организация после ряда громких случаев подготовила доклад о незаконных, на их взгляд, изъятиях детей), Президент В.В.Путин предложил разобраться более детально. И тогда Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Анна Кузнецова инициировала создание таких групп в регионах. Мы изучили представленные материалы. Выказали свои предложения. Любое вмешательство в дела семьи, тем более – изъятие ребенка, должно иметь правовые основания, присутствие органа опеки, согласованные действия правоохранителей. Рассмотрев конкретные случаи в нашей области, мы пришли к выводу, что если у нас и были какие-либо незначительные нарушения, то изъятия детей всегда происходили в их наилучших интересах. Например, мать – валяется дома «никакая», в отключке, а рядом ползает голодный и неухоженный ребенок, и ведь по закону – он не безнадзорный.

А чего стоит история с месячным малышом в одном из поселков, когда там мамка запила, оставила его соседке. А там тоже пьянка, «дым коромыслом». Другие соседи вызвали скорую и полицию. Те приехали, инспектор полиции даже подержала этого ребенка на руках, но он не безнадзорный. Врач скорой констатировал, что ребенок здоров. Уехали. И в тот же вечер этого ребенка в квартире жестоко убили. Между тем, полиция и медики действовали

строго по инструкции. И в таком вот случае я за то, чтобы лучше забрать – никто не будет специально долго удерживать ребенка, если ситуация в семье придет в нормальное русло, то его вернут.

Вот еще один пример: две женщины вместе пьянствовали, с ними было двое их детей. Был рейд с полицией. Детей забрали, отдали в районный центр социальной помощи. Одна мамаша даже не проснулась толком, а вторая выскочила из дома – где ребенок? Ей сказали: «Трезвая будешь, отдадим». Она приехала к этому центру и ходила всю ночь кругами, утром – сразу же в опеку, в ПДН (подразделение полиции по делам несовершеннолетних), получила разрешение забрать ребенка – и больше мы ее никогда в пьяном виде не видели. Это так подействовало на человека, ей хватило и одного раза, чтобы извлечь урок. А другим «по барабану». Все ситуации разные.

И вот как быть с исчерпывающим или неисчерпывающим законодательством? На этой грани и возникают наилучшие интересы ребенка, которые невозможно прописать в каждый закон, поскольку все люди и ситуации разные. Иной раз сотрудники полиции боятся что-либо сделать, поскольку их действия будут расцениваться исключительно по закону, а не по наилучшим интересам ребенка.

– А что делать людям, особенно в отдаленных территориях, где даже не к кому обратиться за консультацией по поводу их прав?

– В идеале главная инстанция для таких семей, как я уже говорил ранее, – это территориальная комиссия по делам несовершеннолетних. Всю систему работы с детьми они знают. Отдаленные территории – это серьезная проблема. Выход здесь возможен в возвращении к общинной системе, когда общество, односельчане, соседи могут объединяться. Типа «общественных сходов». И кое-где это уже есть. В Берёзовском, например. Но есть опасность, что деятельность этих самоорганизованных групп сведется к тем же функциям территориальных комиссий, когда поучают «непутевых», на их взгляд, родителей. А община – это система взаимопомощи. Ведь не выполняют родители свои обязанности по разным причинам. Иногда просто нужна дружеская поддержка.

– Попадание ребенка в социальное учреждение, расставание с семьей хоть на какое-то время, это само по себе трудная жизненная ситуация и психотравма. Как сократить период пребывания ребенка в таком учреждении? Чтобы он быстрее был устроен в новую семью или возвращен в кровную?

– По нашей статистике 96% детей из этих учреждений довольно быстро попадают в семью. Из тех, кто не попадает, это три категории: подростки старше 12 лет, дети с ОВЗ, среди которых много с психическими расстройствами, и психоневроз – это дети из многодетных семей,

когда несколько братьев и сестер. И тут я неоднозначно отношусь к той норме, когда все братья-сестры должны попасть в одну приемную семью. Ведь разные ситуации бывают, например, когда эти дети ранее не жили вместе, когда вообще не знали друг о друге, и т.п. И я всегда говорю своим сотрудникам, чтобы внимательно относились к заключениям органов опеки, в которых пишут: «Считаем нецелесообразным передачу ребенка в семью». Я спрашиваю: нецелесообразно для кого? Критерий должен быть такой: это в интересах ребенка или не в его интересах? Или в ваших? Поэтому законодательно хотелось бы уйти от однозначности этой нормы.

– И как технически изменить эту норму?

– Пока не скажу точно. Тут важно, чтобы потом измененная норма не стала трактоваться как попало. Чтобы не произошло нарушений не в пользу детей. Иногда я вижу ситуацию, когда я бы разрешил передачу ребенка в семью, независимо от братьев-сестер. Ведь можно же регулировать условия, на которых ребенок уходит в семью. Чтобы обязать приемных родителей обеспечить общение, взаимодействие, работать в гостевом режиме. Кто-то и не хочет в семью. Особенно старшие дети. Я был в одном детском доме, там десятиклассник совершенно четко говорит: нет, я здесь хорошо учусь, хожу в секции, мне комфортно.

– Есть такая небольшая категория детей, которым противопоказано уходить в семью. Они вернутся. Этому нас учили в школе приемных родителей опытные педагоги.

– Конечно. И органы опеки не всё могут, они действуют в определенных рамках. Сегодня они что-то сделают, а завтра приходит прокурор и говорит: никого не интересует, что вы там думали, нарушено законодательство – отвечай. Ответственникам, активистам, волонтерам просить брать на себя такую ответственность, они не так связаны нормами.

– Поэтому, может быть, Президент и взял курс на поддержку НКО в этой сфере?

– С этим решением я абсолютно согласен. Мотивация совершенно другая у общественных. Но, несмотря на то что к нам приходят с конфликтами по поводу опеки, это не значит, что в соцзащите сидят тетеньки и с утра задумывают, как бы им сегодня кого-то отобрать из семьи.

– Ощущаете ли вы нехватку мужского воспитания у детей, учитывая, что не только в семьях, но и в подразделениях ПДН, территориальных комиссиях, опеках – везде женское большинство?

– Наверно, присутствует такое. Все мы родом из детства, и теперь уже родители. Моего отца не стало, когда мне было 12 лет. Я считаю, что он погиб. Работал на оборонном заводе, и там что-то произошло, выброс – сильно заболел. Отец застал

конец войны, будучи призван 17-ти лет в армию, побывал даже в Германии. А мама моя была педагогом в детском доме, после смерти отца воспитывала нас с сестрой одна. Конечно, отца не хватало в период взросления. Он был у нас охотником, мог многому научить, но, к сожалению, взрослеть пришлось без него... Но когда я сам стал отцом, на все школьные собрания ходил я. Почему-то вот так решил. И из всего класса нас было всего двое: трое отцов, которые приходили в школу. Мне трудно судить, почему ответственность за детей перешла только на женщин. Эти глобальные процессы по всему миру идут. Могу статистику привести, которую мы наблюдали по малолетним правонарушителям, когда я еще работал в комиссии по делам несовершеннолетних: 70% нарушителей, состоявших на учете – это дети из неполных семей.

Причины, ведь, не только в пьянстве родителей, зачастую – это причины объективного характера: матери, которая одна воспитывает, просто не хватает времени на своего ребенка, она нередко работает на износ. Один известный в нашем городе директор лицея запретил своим учителям в конфликтных ситуациях говорить детям: «Завтра в школу приходи с отцом!», чтобы ребенка не травмировать. Ведь у трети учеников нет отцов, или они с ними не живут. Педагогам нужно быть очень аккуратными. Вот в отдаленных территориях, может быть, как раз и нужны советы отцов, когда они могут прийти в семью, помочь не совсем благополучному отцу взяться за ум, что-то отремонтировать в доме, чему-то научить мальчишек, вовлечь в какие-то совместные мероприятия.

– Я недавно снимал кино про староверов, они убеждены, что за воспитание детей ответственны отцы.

– Может быть, поэтому нас и привлекает уклад жизни казаков, староверов. Возможно, в определенных формах нужно к этому возвращаться. Множество активных отцов сегодня готовы об этом разговаривать, хотя объединяться, участвовать в воспитании. Но и тут главное, чтобы эта активность не свелась к фразам типа – «выдайте мне удостоверение, и я буду наводить порядок». Идея отцовских патрулей, когда проверяют торговые центры, киоски, на мой взгляд, тоже весьма противоречивая в плане правоприменения. Хотя мотивация у людей хорошая.

Может, я и повторяюсь, но во главе угла должны быть поставлены не собственные амбиции, а наилучшие интересы ребенка, учитывая его эмоциональные, психологические особенности. И обязательно – использование педагогических знаний. Конечно, у меня есть собственные представления, каким должен быть отец. Но как я буду кого-то учить? Может, не учить, а показывать надо, как это можно делать?

А КАК ТАМ В ШВЕЦИИ?

Репортаж со встречи выпускниц детского дома

Уже во второй раз мне удалось побывать на встрече выпускниц Мало-истокского детского дома. На этот раз встреча получилась особенно интересной, поскольку приехала из Швеции удочеренная в 2001 году Катя Фагерстрём вместе со своей приемной мамой Лилиан. Пришли на встречу три сестры: Галя с грудным сынишкой, Александра и Лида, у которых жизнь состоялась в Екатеринбурге, все получили свое жилье, вышли замуж; Катя, которая тоже замужем и в декретном отпуске с двумя маленькими детьми, работает в театре Музкомедии; и две бывшие воспитательницы – Анна Павловна и Наталья Константиновна. Обстановка была очень радушной: все обнимались, фотографировались, много общались за чаепитием с пирогами, вспоминали свои детские годы, и трудности, и шалости. Я подслушивал их разговоры и иногда задавал вопросы.

Наталья Константиновна, экс-воспитатель: Всех нас объединила Швеция, все мы побывали в Швеции по обменной программе, когда еще были маленькими. Очень рады, что Катя со своей приемной мамой Лилиан смогла к нам приехать в гости и собрать нас в красивом месте. Мне посчастливилось быть целый месяц в этой чудесной семье. Низкий поклон этим родителям за их подвиг, за то, что они делают, поражаюсь их энтузиазму. У них новые пони, ослики, козлики. И когда я спросила у Лилиан в 2004 году – для чего это? Она ответила, что в их местности многие увлекаются разведением животных, это и их увлечение тоже. К тому же это помогает детям учиться любить. Это очень хорошо, когда ребенок растет и заботится о ком-то. Мы надеемся, что у нас, как и в Швеции, вскоре не будет детских домов. Конечно, для этого наверно должны быть социальные условия, как в Швеции. Ведь семья – это всё для ребенка. Вот не пришла сегодня Варя, тоже из нашего детского дома. Девочки ее спасли. Она пропала уже – без работы, без жилья...

Галя: Да, жила уже по всяким подвалам, гуляла где попало, никому не нужна – и это ужасно. А мы-то – трое сестер – замужем с детьми, получили свое жилье не так давно. Спасибо, что в этом нам помогла прокуратура Чкаловского района. Одна девочка позвонила нам, тоже наша, и говорит: так и так, Варя пропадает. Мы нашли ее, взяли к себе – живи. И она три года у нас была. Не скажу ведь ей – иди на все четыре стороны, хоть у меня самой семья. Мы помогли ей в техникуме восстановиться, ее отчислили из-за непосещения занятий.

Лида: Я – повар в детском саду, муж у меня – водитель. Дочь учится в 6-м классе.

Александра: Я окончила колледж имени Ползунова, потом поступила в УПИ, экономист, но работаю сейчас в ветеринарной клинике администратором, потому что рядом с домом, это удобно, когда маленькие дети. Иногда пеку торты на заказ, очень люблю это делать.

Галя: Ну что рассказывать – то, что я мать троих детей? Вышла из детдома, поступила в университет педагогический, бросила его и ушла работать. Сейчас – в декретном отпуске. Мы очень дружные три сестры, все праздники вместе. Росли вместе в детском доме. Нас хотели разделить, но повезло, что у бабушки была соседка инспектор соц. опеки. И она посодействовала, чтобы нас в один детский дом поместили. Когда мы – старшие – выпустились, ездили в детский дом к Саше, смотрели за ней. Сейчас можем своих детей доверить друг другу, когда надо куда-то отлучиться, да даже и в кино с мужем сходить.

Корр.: Какой-то отпечаток откладывает на семейную жизнь то, что вы из детского дома?

Галя: У меня – нет, поскольку я – старшая, в 13 лет попала в детский

дом. Но я видела свою родную семью, и я мечтала о своей будущей семье и не хотела, чтобы было так, как у моих родителей – неблагополучие. Но я видела другие счастливые семьи, которые жили в нашем доме рядом. И я строила свою семью по своим представлениям – что я не буду пить, не буду дома сидеть, рожу детей и буду ими заниматься, а не брошу их. Но на тех, кто дольше живет в детдоме, на них конечно отпечаток этот остается, им сложнее приспособиться к жизни. Они же ничего не знают, особенно, которые там с рождения. Вот моей сестре было 7 лет, когда она туда попала, и ей было сложнее. После детского дома ведь хочется свободы, поскольку там тебя сковывают во всем – нельзя пойти к друзьям с ночевой, ничего нельзя, все интересы сводятся к детдому. Когда выходишь оттуда – свобода ошарашивает. И многие быстро скатываются в пьянство, разгул. Да еще и большие дармовые деньги, которые достаются им после выпуска, это вообще развращает. Эти деньги ни к чему хорошему не приводят – алименты, пенсии по потере кормильца, которые годами копились на счетах. Все деньги пробухивают в первый год, а потом уже начинают искать себе место в жизни, когда уже никому не нужны. Ведь ребенка нужно приучать к тому, что такое деньги, как ими нужно распоряжаться, что деньги нужны для того, чтобы жить, а не прожигать их. А они их налево и направо тратят. Я, например, не пью, потому что знаю, что у меня есть такая проблема наследственная. Вот хорошо, что сейчас приняли закон, и квартиры, которые сироты получают, в течение 5 лет не могут быть проданы или что-то еще. Это хоть защищает от разных мошенников. Только семья может помочь. Конечно, сейчас уже что-то изменилось: волонтеры приходят в детдома, открывают комнаты, где приходят родители с детьми – общаются. Может быть, детям в детдомах и фильмы надо какие-то обучающие показывать о том, что такое семья, как живут в семьях. Какие-то курсы обучающие, программы, где рассказывать, что семья – это не то, что они видели у себя дома среди алкашей и наркоманов, а еще бывают другие семьи. А еще можно было бы приезжать в гости к таким воспитанникам бывшим, как мы, у которых благополучные семьи, показывать им эту жизнь. Я лично готова таких детей принять.

Анна Павловна: Я вот помню, как Катя Барта к нам в три года пришла, такая пуговка. Ее все на руках носили, она такая куколка была белокурая. И вот всех спать уложат, и мы – ночные воспитатели едва сядем чай попить, а они там как завопят – это Катя вскочила, как зарет и давай всех будить, ей, видите ли, скучно. (Смеется.) И снова карнавал! Уже тогда была артисткой. Воспоминания до слез берут иногда. Я вот сейчас у своих детей прошу прощения, ведь наработаешься за сутки в детдоме, а домой придешь, там мои дети друг на друга жалуются, не слушались. Ну, я на них и спускала весь гнев накопившийся.

Катя: У меня сейчас сын точно такой же, как я была. А как вы, Анна Павловна, своих детей наказывали?

А.П.: Да как – я только могла, что орать. Я им не стала подружкой, я все равно мама, хоть им 42, хоть 50 – бойся...

Катя: А по заднице они получали?

А.П.: Конечно. Но до 5 лет детям можно всё прощать!

Катя: А меня прощали?

А.П.: Конечно, ты же буянила, а мы тебя уговаривали, Катя, ложись в кровать, спать надо. Я так хочу твоего мужа увидеть, спросить, как у него жизнь?

Катя: Прекрасная у моего мужа жизнь, он уехал на три месяца в командировку, он военный – капитан.

А.П.: Катя, а я думаю, что ты сделаешь из него генерала и будешь генеральшей. (Смеются.)

Н.К.: Катя, тебя вообще все любили в детском доме, ты же была самая маленькая, директор всегда на руках носил, с рук на руки передавали в столовой.

А.П.: Директор, мне кажется, ее, как хрустальную вазу, носил. Среди этих слонов, которые несутся по лестнице на обед. И помню, ты, Катя, любила масло. Но стеснялась и ждала, когда все поедят и уйдут, а потом давай намазывать это масло. А я говорю: ну давай, Катюша, будем с тобой чай пить. А потом старше стала и всё смотрела на туфли женские. И я принесла из дома свои туфли специально и поставила на лестнице. И как-то вдруг ищущая, а Катя нигде нет. Я побежала в школу, ищущая, а там аллея такая с рябинами, я глядь, а Катя идет по аллее на моих каблучках и такая счастливая. Я смеялась до слез и вспомнила себя маленькую – как я мечтала на каблучках ходить.

Катя: Меня еще Вера Николаевна забирала, которая потом в «Тройке» работала ночнушкой (смех). Да, ночные воспитатели были – ночнушки, а дневные – дневнушки.

Лидя: Ну и ничего страшного, не курицами же мы их называли. А одну из них я называла мамой.

Галя: А помните, как нас не забрала бабушка на Новый год? Я так плакала...

А.П.: И каждый раз разрывалось сердце от этих слез. 23 года прошло, а всё как вчера. А Галя – вы не представляете, сколько она читала, сейчас не заставишь детей, а тогда я гоняла ее, отбирала книги – глаза испортишь. А ей нравилось читать всё подряд.

Корр.: А как произошло, что дети оказались в Швеции?

А.П.: Еще в 1990-е годы наш прославленный хоккеист Владислав Третьяк совместно со шведами организовал благотворительный фонд. Этот фонд организовал обмен детьми между странами. В этой программе участвовали Москва, Таганрог, Чебоксары и мы.

Многонациональная семья Фагерштём в Швеции.

К нам стали приезжать шведы и на лето забирали наших детей гостить. Шведские дети тоже к нам приезжали. Когда впервые за Снежаной приехали – ее первую Лилиан с мужем взяли, я даже тогда не понимала... А вот дожив до таких лет, стала понимать, что какое сердце надо иметь и как надо любить. Вот почему она (Лилиан) приехала сейчас? Ведь еще бабушка Снежаны жива. И бабушка перед их приездом (Снежана сама в этот раз не приехала) переживала: «Да как же она там, вот Катя Барта здесь уже замуж вышла и детки у нее, а как же там в Швеции у них? И вот Лилиан со своей Катей ездили к этой бабушке в Березовский, показывали ей фотографии семьи Снежаны – как у них всё замечательно. Бабушка попала даже, и Лилиан пригласила ее в гости в Швецию. Такой большой души люди.

(Катя всё время переводит своей приемной маме всё происходящее на шведский язык).

Корр. (к Кате Фагерштрём): А вы чем занимаетесь в Швеции?

Катя Ф.: Я сейчас в декретном отпуске с полуторагодовалым ребенком, а вообще выучилась на профессию нянечки, работаю в доме престарелых, мой муж работает на мебельном предприятии. Он – швед, местный. Ему нравится Россия, он выучил русский язык. Мы были с ним здесь в 2011 году перед свадьбой, чтобы прошел отбор у всех (смеется), чтобы всё ОК.

Корр.: А помните, как всё это началось?

Катя Ф.: Конечно. Мои будущие родители приехали за Снежаной, и вот сейчас она рассказывает, что все девочки крутились вокруг шведов, для нас это было диковинно. Мама сказала, что я им особенно запомнилась. Они сначала удочерили Снежану, но потом решили взять еще одну девочку, чтобы Снежана могла с кем-то продолжать общаться на родном языке. Сначала я ездила в Швецию на летние и зимние каникулы два года подряд. И потом родители спросили, хочу ли у них остаться навсегда. Конечно же, я захотела. Всего у них стало четверо приемных детей – кроме нас – уже были мальчик из Эфиопии и девочка из Кореи. И конечно, родных еще четверо детей. Многодетная семья и межнациональная. Один мой брат женился на казашке из Казахстана.

Корр. (к Лилиан): Как к вам пришло решение, что именно из России возьмете детей?

Лилиан: Первый контакт был через хоккеиста Третьяка. Речь шла о том, чтобы брать детей на гостевой основе, чтобы они посмотрели мир, учили иностранный язык. Первой поехала Карина, ей было 7 лет, потом вновь мы приезжали в Россию в Малоистокский детский дом и общались с детьми и брали их в гости. Когда девочки Снежана и Катя были у нас в Швеции на каникулах, мы как-то всем сердцем приняли их. Девочки уже не хотели возвращаться в детский дом. И мы стали оформлять документы на удочерение. Это было трудно как в России, так и в Швеции – весь этот бумажный процесс.

Корр.: Вас не пугало, что берете детей из какой-то неизвестной «дикой» России?

Лилиан: На тот момент у нас была уже межнациональная семья – дети из Эфиопии, из Кореи, и нас не пугало, что в России грязно или что-то еще. Мы думали только о детях, мы их полюбили уже к тому времени.

Корр.: Как у вас в семье проходил период адаптации детей, особенно в первый год?

Лилиан: Особенно трудно было с первой девочкой. Ребенок не принимал любви, объятий каких-то, физического контакта. Но я консультировалась со специалистами опеки, мне помогали, подсказывали. Мне объяснили, что дети травмированы в прошлом, к тому же испытывают стресс от изменения обстановки. Был совет: ничего не предпринимать, а ждать, пока ребенок привыкнет, успокоится. С российскими девочками было проще, поскольку процесс был постепенный, мы с мужем приезжали в Россию, общались с детьми, потом они у нас жили по 2 месяца в гостевом режиме.

Катя Ф.: Да, мы ведь уже знали атмосферу этой семьи, привыкли общаться с их детьми – приемными и родными.

Корр.: А языковой барьер как преодолевался?

Катя: Мне было проще и в этом, поскольку в семье уже жила Снежана из нашего детского дома, и она мне помогала с переводом. Но вообще мне нравилось изучать иностранные языки, конечно, в начале и с помощью жестов объяснялись, мне показывали на предметы и говорили: это стул, это шкаф, цветок, это что-то еще. А через пару лет я понимала по-шведски, но сразу не могла говорить, ответить. Понемногу, маленькими шагами – сначала отдельные слова, потом предложения стала говорить.

Корр.: А сейчас через 18 лет вы ощущаете там себя иностранцами?

Катя: Мне с самого начала понравилось в Швеции, я влюбилась в эту страну. Я чувствую себя как дома, хотя, когда приезжаю в Россию, то чувствую здесь всё родное, свое. Но через некоторое время хочу обратно, хотя там временами скучаю по русскому языку, по еде. Однако иностранкой или чужой я там себя не ощущаю, там моя семья: мама, папа, сестры, братья.

Корр.: Есть в Швеции организации, которые объединяют приемных родителей, как наш Союз?

Лилиан: Да, есть. Раньше я работала в больнице акушеркой. И там есть организованные группы для родителей, но их устраивает государство, органы опеки. Люди, которые хотят взять ребенка из Кореи, например, получают специальные консультации. Есть специальный центр, который занимается приемными

семьями. Но сейчас волна иностранных усыновлений пошла на спад, уже не так много желающих.

Корр.: У нас все будущие родители обязаны пройти школу приемных родителей, а в Швеции есть что-то подобное?

Лилиан: Через министерство по делам опеки семьи проходят подготовку. Но в начале социальные службы серьезно проверяют семью на предмет возможности принять детей: их доходы, наличие постоянной работы, бытовые условия, психологическое состояние родителей. И только потом они могут подавать документы на подбор ребенка. Часто собирают вместе семьи одной местности. Но бывает и такое, что семьи с Юга, с Севера разрозненны. Но им рассылают информацию, и те, кто желает усыновить малышей до года, проходят ту же программу обучения, как и беременные женщины и их мужья.

Корр.: То есть будущие родители перед рождением собственных детей проходят специальное обучение по родительству?

Катя: Да, конечно, это обязательно. Такую подготовительную программу и я проходила со своим мужем.

Корр.: Нас часто пугают западной ювенальной юстицией, что у вас могут отобрать ребенка за малейшую царапину или за то, что родитель отказал купить мороженого. Так ли это?

Лилиан: Ну что вы, такого совершенно нет. Так как социальная служба работает, я такого не видела. Если говорить о приемных семьях, то изначально орган опеки следит, чтобы дети попали в благополучную семью. И с изъятием или возвратом детей я не сталкивалась ни разу. Конечно, бить ребенка нельзя, это запрещено. Поскольку большой приток иммигрантов, особенно внимательно работают с семьями.

Тут Катя Барта стала собираться домой и прощаться со всеми, все стали обмениваться контактами, фотографиями. Обнимались, прощались, Анна Павловна тоже засобиравлась. Судя по настроению собравшихся, общаться могли бесконечно, но Лилиан с Катей завтра улетали в Швецию. Я им подарил красочное издание о Екатеринбурге и большую книгу о Московском Кремле (тяжелые такие), но надеюсь, они всё же довели их до такой далекой от Урала Швеции.

Юрий Дёмин.

У нас в детском доме было 64 ребенка. И в каждой группе всегда был один ребенок, который сбегал. Который не мог терпеть режим, который протестовал против всего происходящего, которому было, куда бежать. Мне бежать было некуда, я всегда была в детском доме.

А куда бежали они? Что может быть лучше вкусного, халявного борща, сон-часа? Свобода. Бежали в подвал, на улицу, на остановку, к маме...

К маме, которая их бросила, которая ими не занималась, у которой их забрали явно не за то, что она – пример крутого человека.

Но для каждого его мама – самая лучшая на свете. Даже для детдомовца. Другой нет и не будет. Она одна, какой бы ни была, она – мама.

Я бы тоже к своей сбегала, чтоб хоть немножко поучаствовать в нашей семье.

Но теперь у меня есть своя семья. Мне повезло дважды. Я получаю две открытки на восьмое м(Б)арта, я получаю в два раза больше цветов, поцелуев, пожеланий, самые крутые подарки от любимого мужа.

Я глажу два костюма на утренник, готовлю две каши, два чая, у меня всегда заняты обе руки двумя маленькими ручками.

Это волшебное слово, которым они меня называют – мама.

Когда я училась в институте, в ночь с 10 на 11 января я не могла спать. У меня была сессия, и за одну ночь мне нужно было выучить 60 билетов по зарубежной литературе. Выучив один, я решила, что все равно не успею выучить еще 59 и в 00:00, крикнув в окно: «Халява, ловись!», легла спать. Это должно

было проканать. Это канал всегда. В 5:00 меня разбудил звонок: – Привет, доченька! – Привет, это кто? – Это твоя мама! Я взяла твой номер у Галиба. – А. Ну круто тебе. Ты время видела? – Конечно, видела, поэтому и звоню тебе. Ты родилась в пять утра, поздравляю тебя с

КАТЯ БАРТА:

днем рождения! – Понятно. То есть я не самый крутой ребенок и не дала тебе поспать в день своего рождения, и теперь ты мне решила отомстить? Таким был мой разговор с мамой...

Сегодня мне приснилась моя любимая Светочка Лобода, в своем сне я проводила ей экскурсию по Екатеринбург, а она будто знала, что сегодня весь вечер ей придется петь на моем празднике жизни. И я проснулась от этого сна ровно в 5:00. Проснулась и вспомнила тот единственный разговор по телефону с мамой.

У нас в детском доме было три картофельных поля: одно – поменьше – находилось прямо на территории детского дома, земля там была мягкая, рыхлая, коричневая. Второе – побольше, с черной, твердой землей, из которой постоянно росли огромные сорняки выше человеческого роста, да такие крепкие, что выдернуть их получалось только словами: «Да б...дь!!!» – находилось через дорогу от детского дома. Третье поле – какое-то глиняное, земля там была комками, собирать урожай было невозможно, а пропальывать и окучивать картофель мы туда не ездили, только сажали и собирали – находилось в нескольких километрах от детского дома, где-то в коллективных полях, куда нужно было ехать.

И вот то поле, которое находилось за дорогой, нужно было охранять, потому что местные жители беспощадно воровали картошку у детдомовцев. Оно не было ничем ограждено, и летом организовывали дежурство: по два человека – помладше и постарше.

О! Это прекрасное время – с утра до вечера ты ни черта не делаешь, охраняешь картошку, играешь в карты, куришь, старшки умудрялись еще и побухать, отрезветь и снова побухать, никто тебя не трогает, ты принадлежишь сам себе – свобода!

Воспитатели думали, что охранять картошку – наказание, но мы то знали, что это настоящий кайф! Иногда сами дежурные выкапывали картошку и продавали бабкам возле «Кировского», а они уже накручивали цену, перепродавали и разницу забирали себе.

И вот в одно из таких дежурств меня поставили с девочкой, она была года на два постарше меня. Мы охраняли картошку, делать было особо нечего. Как я уже сказала, поле находилось через дорогу, по которой постоянно ездили машины, хоть и стоял знак «Ограничение скорости: 40», никто ее не соблюдал. Мы придумали игру: на «раз, два, три» мы по очереди перебежали дорогу прямо перед машинами. Кого собьет – тот проиграл.

Один раз машина остановилась, и из нее вышел дядька, который хотел надрать нам уши, но мы убежали. Думаете, нас это остановило? Не-а. Мы снова и снова перебежали дорогу, пытаюсь выяснить, кто же из нас проиграет. Когда нам надоела эта игра, мы пошли спасать щенков. В земле, неподалеку от поля, находилась нора, где очень часто охотилась местная бездомная собака. Нора была сделана самой собакой, мы туда положили доски, чтоб щенки сами могли выйти из норы, посмотреть на белый свет и на нас – своих спасителей...

ЗАПИСКИ ДЕТДОМОВКИ

Я не могу знать, как распределялись подарки в детском доме, наверное, кто-то заслуживал, а кто-то нет. Как вы уже догадались, я не заслужила подарок ни на один Новый год. Но сладкие подарки дарили всем без исключения, ну или почти без исключения...

Помню, нам сказали, чтоб мы написали письма Деду Морозу. Я очень сильно верила в то, что он существует. Как и сейчас. В своем первом письме Деду Морозу я попросила волшебную палочку. Перед самым Новым годом нас посадили в общей столовой и по очереди вызывали детей и дарили им то, что они «заказали». Мне не подарили ничего.

На будущий год нам снова сказали писать письма. «Дорогой Дедушка Мороз! Пишет тебе Катя Барта! (Восклицательный знак для меня очень много значил в то время, я старалась вставлять его везде, где можно и нельзя – такие эмоции меня переполняли). Я! Конечно! Все понимаю! Но хотелось бы узнать, почему ты не подарил мне волшебную палочку в прошлом году? Я плохо себя вела? Ну и что! Лева вон вообще с двойкой четверть окончил, и ничего себе, ты подарил ему подарок! А у меня всего лишь поведение «неуд» и одна тройка! Дедушка Мороз, пожалуйста, я очень-очень прошу тебя, подари мне в этот Новый год самого большого медведя! Я буду слушаться воспитателей и исправлю поведение!»

Нас снова посадили в столовой, всех по очереди вызывали, дарили книги, сонники, машинки на пульте, автоматы, дартс, кукол, вышивки, перчатки и все прочее, что заказали

другие дети. Я все ждала, когда же назовут мою фамилию, но, увы, этого не произошло.

В следующий раз я не стала никому ничего писать. Это были два единственных письма от меня Деду Морозу.

В этом году мои малыши нарисовали свои пожелания Деду Морозу, и сегодня в 21:00 он придет сам к нам домой!

Пусть две маленькие мечты маленьких человечков сегодня исполнятся! Ну а я... А я спрошу у него, какого х...ра ЭТО было в 1999 и 2000?

Свою маму я не помню почти. Однажды я заглянула в свою медицинскую карту, которую вели с рождения (она попала со мной в детский дом) и почитала записи разных лет.

Патронажная медсестра пишет: «1 неделя. Девочка лежит, в квартире накурено, родителей нет, с ребенком слепая, глухая бабушка, прокисшее молоко на плите, пупок грязный. 2 недели. Девочка лежит, звуков не издает, реакции на осмотр нет, половые губы воспалены. 3 недели. Девочка лежит...»

Прочитав это, я поняла, что меня не отдали, меня забрали. Скорее всего, в органах опеки интересовались моей семьей, и меня забрали в детский дом.

Встречу с мамой я запомню навсегда. И первую. И вторую. И третью...

Мне было три года. Кто-то из детей крикнул: «Катя Барта, к тебе мама приехала!» И всем детским домом побежали смотреть на маму Кати Барты. И я побежала, крича: «А ко мне-то мама приехала, яяяя-блочка наверное привезла!»

Привет! Меня зовут Катя Барта. Мне 30 чудесных лет, а хотелось бы 21. С года до 15 лет я росла в детском доме в Малом Истоке. Выпустившись, поступила в Екатеринбургский колледж транспортного строительства. Идиотка, благо, вовремя поняла, что это вообще не мое и через год бросила это дело и поступила в Свердловский областной музыкально-эстетический педагогический колледж на факультет «Музыкальное образование», класс фортепиано и баян. И хотя из нот я знала только: «До ре ми до ре до», а играть умела только на нервах, поступила успешно и сразу на бюджет. Протусовавшись, да, именно протусовавшись там пять лет, мама дорогая, я поступила в Екатеринбургский государственный театральный институт на актерский факультет, кафедра «Пластической выразительности актера» к моему любимому Белоусову Вячеславу Владимировичу, где проучилась 4 самых счастливых года в своей жизни и окончила его в 2013 году.

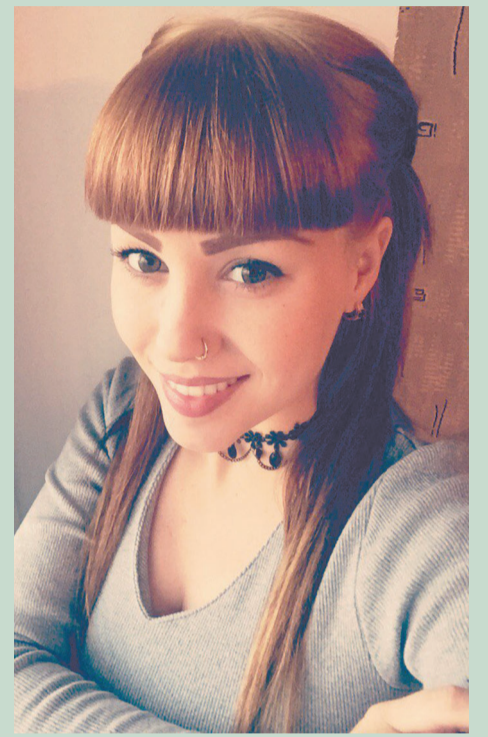
Через две недели после окончания института вышла замуж за своего одноклассника Славику, теперь – в декрете с двумя детьми, а так-то в театре Музкомедии служу.

Мама у меня была очень красивая! Она – татарка. У нее была черная, пышная, высокая прическа, красная помада, белощие зубы, черная гипюровая кофточка, кожаная юбка «колокольчик», красный лак на ногтях, и самое главное то, что навсегда осталось в моей голове – она была в черных капроновых колготках. В ЧЕРНЫХ!!! Не в телесных!!! Я таких никогда не видела и уж тем более никогда не ощущала!

Я обняла ее за ногу, за черную колготку: «Мама, а ты забереешь меня?»

«Заберу, курочка!» Она называла меня в тот день «курочкой».

Все воспитатели подумали, что приехала какая-то проститутка, но

нет! Это была моя мама! Моя красotka! Моя долгожданная!

Яблочек тогда, вроде, она не привезла. Но обещала приехать снова. И забрать меня. И я ждала. Ждала.

Следующая наша встреча состоялась спустя 19 лет. Она лежала в туберкулезном центре с туберкулезом последней стадии. Я узнала об этом случайно. Тогда я была еще Барта. Мне позвонили и сказали: «Барта, ваша мама в тубдиспансере, ей нужны лекарства, привезете?»

А что мне делать? Конечно, я поехала.

Приехала, а мама лысая, болеющая анорексией, не узнающая свою курочку.

Увидев меня, она сказала: «Наташа, свари мне рис и закинь 50Р на телефон».

Я ушла. Рис варить не стала. Я же не Наташа.

Потом прошло еще какое-то время, и в 2013 году, буквально через день после свадьбы, мне пишут: «Скорее всего, твоя мама умерла».

Я взяла мужа в охалку, мы позвонили нашему другу, который знал, что делается в случаях, когда потерялся человек, и ты ничего о нем не знаешь. Он сказал, что нужно обращаться в полицию, в «Бюро несчастных случаев». Туда мы и пошли. В кабинете я рассказала, когда видела ее последний раз и где, меня спросили, привлекалась ли она к уголовной ответственности, потому что, если привлекалась, то с нее снимали отпечатки пальцев, что ускорило, скорее всего, процесс опознания, потому что с неопознанных тел в первую очередь снимают отпечатки пальцев и смотрят по базе, ведь у всех они разные и индивидуальные, и ошибиться тут ну никак нельзя. Я, конечно, этого знать не могла и назвала просто ее ФИО.

Такая есть. Да, по отпечаткам пальцев.

Меня спросили, готова ли я опознать ее, но как? Как я это сделаю? Я видела ее пару раз в жизни, и все разы это была совершенно разная женщина! Я сказала, что смогу опознать ее только по зубам, ведь они у

нее такие же белые и красивые, как у меня, но вряд ли она умерла с открытым ртом.

На компьютер вывели фото моей умершей мамы. Я не смогла смотреть.

Женщина, сидевшая за компьютером отметила: «Вы похожи на нее, она умерла с открытым ртом, потому что задыхалась от туберкулеза и часто дышала, посмотрите на зубы, вы должны опознать».

Я набралась смелости и посмотрела... Это была она.

Моя мама. Моя красотка. Моя долгожданная.

«Сейчас вы идете в ЗАГС по неопознанному, делаете свидетельство о смерти, потом идете в морг, потом едете на кладбище, там она похоронена под номером НЖ3135, ищите ближе к кустам, потому что захоронение полторагодовой давности. Мы ждали родственников две недели, ее никто не искал, мы похоронили», – холодно отчеканила женщина, работающая в бюро несчастных случаев.

Мы все это, конечно, сделали. Потом поставили небольшой памятник, потому что все эти таблички НМ (неопознанный мужчина) и номер, НЖ (неопознанная женщина) и номер, километры табличек, табличек, среди которых есть моя мама. Моя мама. Моя красотка. Моя долгожданная. С твоим праздником, родная.

Однажды, когда мне было 10 лет, к нам в детский дом поступила завучем работать женщина. Завуч – это правая рука директора. Директор занимается бумагами, а завуч воспитанием детей. Помогает воспитателям, если те не справляются.

Женщина – это нежное от природы существо, это мягкая, приятная богинька. Но эта женщина – это бывший надзиратель в детской

колонии, которая избивала детей дубиной. Сама около 100 кг весом, с черными как смоль волосами, которые всегда были собраны в виде кашки на голове, с вечно недовольным черным взглядом из-под лба, со страшным голосом. Короче, ее боялись все, даже воспитатели. Даже воспитатели-мужики. Погоняло ей дали Шайба. Это из-за отчества, оно было созвучным.

Шайба ни с кем не находила общего языка просто потому, что она ни с кем не общалась нормально. Единственных, кого она любила – это такую же жирную и злую, как она сама, собаку и двух малолетних шалав, одной из которых она организовала аборт в 15 лет на 6-м месяце беременности, чтоб о детском доме не ходила дурная слава. Все дети жутко боялись попасть к ней на ковер, а вызывала она за любую провинность.

Как гром среди ясного неба, слышалось: «Барта, тебя вызывает завуч на ковер!» Это означало, что сейчас ты будешь получать жестких п...й.

В тот год я была дежурной по игровой, а это самое сложное дежурство, т.к. игровая – это самое большое помещение, где много всего надо мыть, а кроме того гладить тюль, что очень сложно делать в 10 лет. Но мне выпала эта потрясающая возможность, и вот я стою, глажу тюль, как у меня падает утюг. Я его быстро подняла и поставила на металлическую подставку. Но беды было не миновать. За эту провинность меня отправили к завучу. – Вот, полюбуйтесь, – жаловалась воспитка завучу, – Барта уронила утюг. Взгляд. Опора на две руки, как Рембо облокотилась на стол. Вздох. Рык. – Извиняйся. – Что? – спросила я в недоумении. – Извиняйся! – Перед кем? – Перед утюгом. – Но... – Извиняйся! Перед! Утюгом! – Хо-

рошо. Утюг, извини, – проговорила я с иронией. – Ты знаешь, кто ты? Ты – говно! Ты – ничтожество! Ты – щенок, которого бросили! Ты можешь представить? Ты никому не нужна! В 11 месяцев младенец еще даже ничего не успел сделать, а ты успела достать своих родителей, поэтому ты тут! Ну, давай, кого ты позовешь на помощь? Маму? Свою бомжиху? Ну давай! Кричи! Мама! Мама! Кричи! – Мама! Мама!.. – прокричала я. – Ну и что? Где твоя мама? Пришла? Спасла тебя? Она и не придет, потому что она облазила уже все помойки в городе, и тебя ждет такая же участь, поэтому, пока ты здесь, цени то, что тебе дает государство, а выступишься, попадешь на панель к своей мамочке! Если еще раз я хоть краем уха услышу, что ты небрежно относишься к государственным вещам, я с тебя шкуру спущу, поняла? – Поняла. – Пошла вон!

Я плакала без остановки... Я ненавидела себя, маму, воспитку, детский дом, Шайбу. Я ненавидела свою жизнь и решила себя задушить вафельным полотенцем за шкафом...

Когда я это делала, меня спалили. Я просила не рассказывать Шайбе, но... Я снова на ковре, только теперь она уже била меня «по мордасам», как она любила говорить. После ее побоев никогда не оставалось синяков, она умела так бить. Наматывала на кулак волосы и била головой о стену. Скручивала руки, переворачивала, кидала на пол и садилась сверху, кидала на стол, на деревянные ручки кресел так, что ребенок терял сознание...

Один раз я упала в обморок.

Почему никто ничего не делал? Да потому что, как все докажешь?

Все! Все до одного боялись ее, даже директор.

Она отравила мне жизнь. Я ненавидела ее!

Она открывала корзину с грязным бельем, куда мы скидывали свои грязные вещи, чтобы отнести их в прачечную, т.к. самим стирать было нельзя, и смотрела, у кого какой свежести трусы. Если они больше двух дней, она несла и показывала их мальчикам, говорила чьи это трусы. А если, не дай Бог, протекут месячные, ты эти трусы будешь жрать. Жрать своим поганым ртом.

У нас была православная директор. Но для Шайбы не существовало никаких богов. Она смеялась над моими иконами, что стояли в моем шкафу, над моими молитвами... А я верила и молилась о том, чтобы поскорее умереть, ведь за мою смерть накажут Шайбу.

Нам выдавали вещи, всем одинаковые, об этом я расскажу в другой своей записи. Мне выдали беспонтовые сапоги, которые я не хотела надевать в школу, иначе меня «зачухают». Она узнала об этом, и тогда я почувствовала подошву этих сапог на своем лице. Да, я получила этими самыми сапогами по е...лу. И это лишь малая, мизерная часть из того, что было...

Тогда я думала, что это у нее просто такой метод работы (борьбы) с детдомовцами, с проблемными детьми, каковой я являлась, и только сейчас я понимаю, что ее нельзя было подпускать к детям. У меня нет злости, но...

Почему я без конца проверяю свое здоровье? Почему я бегу ко всем врачам мира, если вдруг у меня колет в сердце, или в руке, или болит голова? Я – жуткий ипохондрик, я придумала себе сотню болезней, я трачу на свое здоровье всю зарплату мужа...

Потому что я боюсь внезапно умереть. Ведь если я умру, мои дети окажутся в детском доме... А там, вполне, появится и Шайба...

